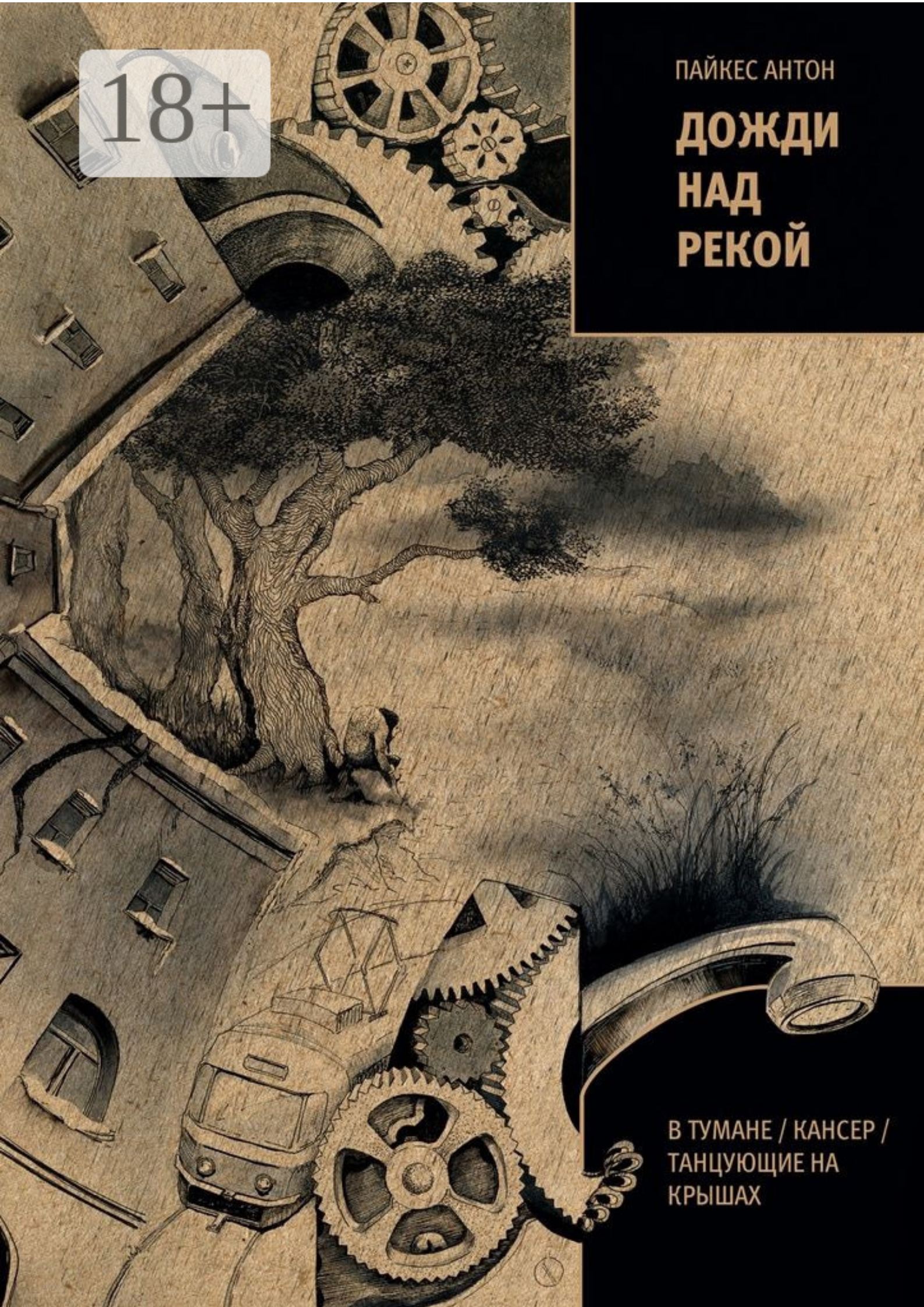

ПАЙКЕС АНТОН

ДОЖДИ НАД РЕКОЙ

В ТУМАНЕ / КАНСЕР / ТАНЦУЮЩИЕ НА КРЫШАХ

Антон Пайкес

Дожди над рекой. В тумане / Кансер / Танцующие на крышах

«Издательские решения»

Пайкес А.

Дожди над рекой. В тумане / Кансер / Танцующие на крышах / А. Пайкес — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908271-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.GENEFIS MEDIA представляет:«Дожди над рекой» — роман о конце света, который зародился внутри одного человека и медленно развивался, захватывая пустоту вокруг него, пока, наконец, не поглотил весь мир.Полноценный антироман со сложным сюжетом, объёмными персонажами и атмосферными, знакомыми каждому городскими пейзажами и рефлексией.

ISBN 978-5-44-908271-8

© Пайкес А.

© Издательские решения

Содержание

В тумане 6
Город моего детства 6
Судьба звонит по телефону 11
О птицах, поющих в неволе 15
Творение мира и медведь-велосипедист 19
Ферзь устремляется вперёд 23
Водоворот 27
Ветер ворвался в комнату 32
Великая Чёрная Дыра 35
Дожди над рекой 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Дожди над рекой
В тумане / Кансер / Танцующие на крышах

Антон Пайкес

Редактор Анна Теркель
Корректор Юлия Городилина
Дизайнер обложки Анна Ландырева

© Антон Пайкес, 2018
© Анна Ландырева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-8271-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В тумане

Город моего детства

Возвращаться в город своего детства в самом конце лета, когда по ночам уже подмерзают руки, безо всякой цели, безо всякой надежды получить хотя бы маленькую каморку в доме какой-нибудь местной старухи, – что может быть глупее? С другой стороны, до конца незапланированного отпуска у меня осталось ещё два дня, и прожить их надо хоть сколь-нибудь ярко, иначе потом снова придётся жалеть о несбывшемся. Жалеть о несбывшемся я люблю и отлично умею это делать. В этом смысле каждый год похож на предыдущий: ежедневно обещаешь себе, что закончатся занудные офисные будни, и ты обязательно сделаешь что-то, съездишь куда-то, позвонишь кому-то. Но вот, отпуск уже подходит к концу, а ничего не сделано. Говорят, так и жизнь пройти может.

Есть такой тип городов, у которых начисто отсутствует собственное лицо. Они безлики, и объединяет их одно: несколько стандартных блочных районов, вокруг которых гнездятся маленькие домики с покатыми крышами. Они обычно натыканы безо всякой системы, гордое название «улица» неуместно, когда мы говорим о зигзагообразной череде обветшалых строений, всем своим видом умоляющих нас о снисхождении и сострадании. Домики расползаются по округе как паучьи лапки, захватывая девственное пространство полей, лесов и даже болот. Городу моего детства повезло: он строился с наскока, одним махом, и историческая его часть выглядит более-менее стильно. «Милый провинциальный уголок» – таким бы я сделал слоган для этого места, если бы приглашал сюда каких-нибудь очередных экологических туристов. Внешний вид, правда, немного портит главная площадь: огромная асфальтированная площадка, а по выходным – продуктовый, вещевой и чёрт знает какой ещё рынок. Несколько рядов пятиэтажек и немереное число дачных строений, возраст которых значительно превосходит мой. Вот и весь сказ. Когда я был маленьким, я вёл дневник, куда заносил важные, на мой взгляд, вещи, и на одной из его вечно смятых страниц была запись об истории городка. Вот она:

Город был когда-то простой деревней. Во время войны был сожжён партизанами, потом отстроен заново. В шестидесятые в центре построили пятиэтажки, один дом культуры, площадь с Ильичом. Там сейчас рынок. В 1996 году сюда приехал я.

Здесь просто жили, работали, рожали детей и умирали, из-за чего местное кладбище постоянно расширялось и жирело, а всей истории накопилось на четыре строчки детским почерком в давно выброшенной на помойку тетрадке. Нет, конечно, если копнуть глубже, окажется, что на долю этого городка выпадали серьёзные испытания, но они никого особенно не интересовали, словно война полностью уничтожила тот старый мир, и новый родился уже на остывшем пепелище. Наверное, так и надо проводить черту, и когда-нибудь я проведу такую же в своей жизни. То, что было до неё – забыть и не вспоминать, то, что после – считать подлинной историей. Какой бы прозаичной она не стала после такого усекновения. Штамп. Дата. Подпись.

В любом случае, город развивался, а когда мы переехали сюда, он уже мог похвастаться дорогими машинами, громкой музыкой по выходным и разваливающимся домом культуры, в котором был не то санаторий, не то бордель. В то время это было одно и то же.

Первые мои воспоминания об этом месте – день нашего приезда. Мне тогда было лет шесть, так что никакой уверенности в их подлинности нет. Да и так ли она важна? В конечном

счёте, рано или поздно мы начинаем вспоминать молодые годы, и никто не сможет разубедить нас в том, что память не играет с нами шутки.

Когда попадаешь в какое-то новое место, оно обязательно кажется тебе таинственным и интересным. Вот дорожка из плоских кусков камня, некоторые немного шатаются, а потому, если задуматься или быстро бежать, можно легко споткнуться и больно приложиться о жёсткую неровную поверхность. Дорожка огибает небольшой деревянный дом с двумя отдельными верандами, но даже этот изгиб сначала воспринимается как лабиринт. Куда она меня выведет? Неизвестно. Сказочно. Интересно. Первое время ты путаешь направления: к примеру, шёл к калитке, а оказался у туалета – тогда он находился в отдельном здании на территории. Конечно, продолжалось это недолго. Через какое-то время я ко всему привык, и вот уже магия из этого места улетучилась, оставив меня один на один с чудовищной провинциальной скукой. Помню, меня долго грызла злая тоска. Нет больше моих любимых дребезжащих трамваев, нет бесконечного потока машин и рассеянного света столичных улиц. Здесь в первую ночь я не смог заснуть. Мешали стрекочущие насекомые, огромные звёзды в окне, как на детском глобусе звёздного неба, неожиданно приятный запах тумана в предрассветной тьме. Почему-то этот новый мир показался мне каким-то маленьким и наглухо забитым снаружи досками. Может, причиной был спёртый воздух из подпола, хранящего овощи, варенье, печальные трупы насекомых?

Зачем я всё это вспоминаю, хотелось бы мне знать. Наверное, только так я смогу ответить на простой вопрос: кто я такой? Что я здесь забыл? Какой чёрт дёрнул меня проехать на машине больше сотни километров по ухабам? И самое главное – когда же я сломался, перестал быть самим собой, и стал собственной демо-версией? Что ж, начнём сначала.

«Мы тут скрываемся от некоторых неприятностей» – заговорщицким тоном говорил мой отец. Уже много позднее я узнал, что квартиру в Москве он сдал в аренду, чтобы рассчитаться с кредитом за машину. Довольно банальная история. Все деньги уходили на погашение, а если что-то оставалось, то оно шло, в основном, на уплату долгов за жильё. Мой отец родом как раз из этих мест, я, правда, так и не смог выяснить, в каком доме он родился. Вроде бы, дом уже давно сгорел, а где находился – загадка. Мы снимали небольшую веранду, окна выходили в сад, в котором летом стояли, взирая в небо, огромные жёлтые цветы. Когда был сильный ветер, они громко стучались в окна, и мне каждый раз казалось, что стёкла рано или поздно не выдержат натиска.

Мой отец умел и любил работать, просто ему не повезло. Тогда многим не везло. А некоторые всё-таки сумели устроиться, катались на шикарных машинах, жрали в три горла и вообще были веселы и приветливы. Странно, но я не чувствовал к ним неприязни, видимо, потому что был ещё слишком мал, чтобы обращать внимание на чужие деньги. А отец вскоре оправился и вернулся в Москву, где принялся с увлечением зарабатывать, и быстро пошёл вверх по карьерной лестнице. С тех пор я его практически не видел.

Вот я еду по раздолбанной дороге и смотрю на огромные пожилые липы. Здесь они слишком старые, толстые и высокие, а вот ближе к реке, где раньше был наш дом, они моложе, и регулярно покрываются человекоподобными семенами. Мы их собирали, сушили, а потом заваривали чай. Естественно, от него все страшно потели, но пить его было так приятно, что мы мирились с обязательными последствиями весёлого чаепития. Особенно хорошо чай шёл зимой, когда промёрзшие кости необходимо было срочно чем-нибудь согреть. Ещё вспоминается, как у меня появился первый мобильный телефон, и приходилось подходить к самой реке, чтобы он наконец поймал сеть. Это было забавно и по современным меркам дико.

Что изменилось с тех пор, как я был маленьким? Мобильная связь стала лучше, а я стал спокойнее. Ребёнок, впервые сталкивающийся с чем-то, будь это зефирное пирожное, утренний туман или смерть родственника, – не важно, – удивляется масштабу этого явления. Но со временем ценность любого события падает. Так мы теряем интерес к жизни.

Кстати, о тумане. Когда я увидел его впервые, то подумал, что такого грандиозного зрелища в природе больше попросту не существует. И честное слово, я даже сегодня готов подписаться под этим. Туман – это та стена, за которой – интересное неназванное. То, что мы чувствуем, когда ждём какого-то события: начинают шевелиться волосы на теле, сладостно щемит в груди. Но, как и в реальной скучной жизни, за стеной тумана нет ничего, только рассвет, который ты видел уже сотни раз. Туман – это перелом, длинная канава посреди ровного поля.

Он приходит со стороны леса, наступает с огромной скоростью, поедая всё на своём пути: заборы, сараи, деревья, – всё, что мы видим днём, становится его добычей ночью. Ты стоишь на одном месте, и тебе кажется, будто он вот-вот остановится, но этого не произойдёт. Уже пропадает в его чреве скамейка, что стоит от тебя в трёх метрах, а он всё идёт и идёт, неимоверно сильный, уверенный в себе исполин. Он наступает со всех сторон, и вокруг тебя – зона отчуждения на расстоянии вытянутой руки. Весь мир теперь – это ты сам. Так я впервые вкусил одиночество, и, честно говоря, оно мне понравилось.

Сейчас я, вроде бы, приехал сюда отдохнуть. От всего и от всех. Любое дорогое моему сердцу место почему-то всегда в прошлом, и, как ни старайся, всё равно никогда не вернёшься в него. Если бы разделяло только расстояние, жизнь была бы куда проще, и мы бы все остановились в развитии, навсегда зависнув в таком сладком «счастливом моменте». Поэтому я не ставлю перед собой задачи вернуть прошлое. Я просто хочу немного помучаться воспоминаниями, потому что это то, что сейчас нужно. Как мне кажется, любое место и любое время дорого человеку лишь потому, что там и тогда (главное – именно тогда!) он встретился с кем-то, кто стал ему близок.

Мы с ней познакомились, когда мне было лет семь. Дети над ней часто подтрунивали, а мне она сразу понравилась – скромная девочка, уже тогда обладавшая удивительной красотой: у неё были огромные глаза, как у Бемби из мультика. Оленёнка я терпеть не мог, но всё-таки эти выразительные глаза могли, кажется, свести с ума любого. Девочкой моя знакомая была очень худой – ела с неохотой, с ребятнёй в магазин за вкусностями не бегала, а если что-то и перекусывала, то только яблоки с деревьев, что росли на её участке. Помню, это был белый налив, ужасно кислый, но душистый. Мне всегда хотелось её от чего-то защищать, что я периодически и делал. У меня был такой характер, во что сейчас уже верится с трудом. Я был ужасным выдумщиком, постоянно строил какие-то планы, и пусть они и не сбывались, нам всё равно с ней было очень весело вдвоём.

Получилось так, что и я, и она, мы были абсолютно рафинированными детьми. Да, мы с большим удовольствием принимали участие в общих играх, но и сами по себе чувствовали себя превосходно. У нас даже появились свои ритуалы и традиции: к десяти часам утра мы обычно встречались на её или на моей территории, договаривались о том, чем займёмся сегодня. После обеда история повторялась. Вечером мы гуляли. Сначала нас звали домой часов в одиннадцать под предлогом того, что на улице опасно. Но ближе годам к десяти мы уже ходили туда-сюда по улице до двух-трёх часов ночи. Где-то около часа со стороны леса к нам выдвигался туман…

Мир тумана сильно отличается от нашего. Это невозможно объяснить, просто поверьте мне на слово. Пару раз мы попадали в него не вдвоём, и тогда ничего особенного не происходило. И я, и она, мы как будто пытались избавиться от чужой компании. Туман был исключительно нашим местом и временем. С кем-то ещё я становился надменным, она – язвительной. Мы словно выживали нашего случайного попутчика из купе поезда, желая остаться наедине.

Я напрягаю память, пытаюсь вспомнить, о чём мы говорили, но что-то ничего не получается. Наверное, это были совершенно неважные слова. Важно было совсем другое: в этом мире нас было только двое. Мне кажется, что вне его, даже с близкими и друзьями, мы всё равно были одиноки, здесь же, в пустоте, наши одиночества на время соприкасались. Разговаривая с ней, я не надевал масок, я был даже не самим собой, а собственной туманной копией, более

живой, чем оригинал. Но именно из-за этого я практически ничего не знаю об этой девочке: за всё время наших разговоров я выяснил лишь, что в Москве она живёт в доме, окна которого выходят на какую-то площадь. Тогда я знал только одну площадь – Красную, и не думаю, что она жила в ГУМе. Чёрт возьми, да я даже подумать не мог, что так глупо поступлю, так ничего у неё и не узнав. Для меня летняя жизнь – с ней, и вся остальная – без неё, были двумя разными вещами, непреложными, будто так всегда было, есть и будет.

Машина подъехала к повороту, и мне пришлось отвлечься. Воспоминания радостно разбежались во все стороны. Теперь придётся заново восстанавливать их в голове. Что ж, я не видел эту девочку очень давно, наверное, не увижу уже никогда. Моя глупость в очередной раз сыграла со мной злую шутку. Она вообще – очень весёлая женщина, моя глупость, часто и с удовольствием смеется надо мной.

Иногда бывает так, что какое-то воспоминание не даёт тебе спокойно жить. Моя жизнь закончилась в тумане. Потом было существование – приятное, неприятное, весёлое, грустное – не важно. В Москве я ловил редкий туман ртом, вдыхал его запах, но это была совершенно иная безвкусная субстанция. В нём я остался один, и мне это совсем не понравилось, тем более что моё прощание с тем родным туманом было очень горьким.

Нам было по четырнадцать лет. Весь день мы говорили о чём-то не том. Мне кажется, она чувствовала это также остро, как и я. Странное ощущение – два человека ждут чего-то, оба знают чего, и пытаются скоротать время за нескладными разговорами. Получалось из рук вон плохо, время ползло как гусеница, и я даже попробовал играть ей что-то на гитаре. Веселее не стало. Она была по-настоящему грустна, да и у меня состояние было не лучше. В воздухе пахло тоской, но я ничего не мог с этим поделать. Какой она была? Я ничего не знал о ней, о её жизни вне этого маленького населённого пункта. Там, в тумане, я практически не видел её лица, но зато чувствовал дыхание, слышал слова и мысли. В жизни было совсем не так. Она сидела передо мной, девочка-подросток, в какой-то безразмерной майке и клешёных джинсах, и если бы не эти глаза, её можно было бы вообще не заметить в толпе. Если, конечно, рядом оказалась бы ненароком такая немыслимая толпа. Но я знал, что вечером всё изменится.

Немного о ней: она была моей одногодкой, может, чуть младше. Любила поваляться в кровати. Жила особняком от всех. Практически не интересовалась кино и музыкой, зато любила читать. Больше ничего не знаю. Я боялся узнать больше просто потому, что это могло разрушить всё очарование наших отношений. Вдруг оказалось бы, что у нас нет общих тем для разговора? Но это – мы реальные. В тумане мы говорили взахлёб, не разбирая тем, словно ничего важнее этого в мире нет. Ничего не запоминая, не анализируя, не видя, мы говорили, и говорили, и говорили…

Последняя прогулка была торжественна, как благородная церемония под сводами дворца. Она даже переоделась к выходу, и загородом щеголяла в классных брючках и чёрной кофточке. Я тоже надел что-то поприличнее, конечно, из весьма ограниченного ассортимента моих дачных вещей. Чем ближе была долгожданная полночь, тем живее и веселее она была, а когда наступил час ночи, и вдали забелел ещё робкий, только просыпающийся туман, я чувствовал, что ближе этого человека у меня никого нет, и уже не будет.

Я совершенно не помню её лица. Это очень странно: казалось бы, за долгие годы я изучил его достаточно хорошо. А ещё я так и не понял, как к ней относился. В четырнадцать лет я уже вполне понимал, что такое притяжение между мужчиной и женщиной, и сексуальное влечение испытывал ко многим девушкам, наверное, у меня дневного было влечение и к ней.

Но с заходом солнца это вдруг стало настолько неважно, что я и думать об этом забыл. Тогда в тумане мне вообще казалось, что секса в мире не существует – я ведь, фактически, итак был в ней – в её сознании, мыслях и мечтах. Я бы, наверное, очень удивился, если бы она мне предложила с ней переспать. Между нами не было любви, не было влечения, не было ничего, просто там, в тумане, мы были одним существом.

Она уехала утром, и больше я её не видел.

Судьба звонит по телефону

В школе я не был хорошим учеником. Мне было глубоко наплевать на оценки. Даже не могу сказать, чем я тогда жил. Просто как-то существовал. Когда мне купили первый компьютер, я понял, что моя жизнь напоминает демо-версию какой-то программы. Используешь пару возможностей, а лезешь глубже – ну уж нет, сначала заплати за полную версию. Платить было нечем.

Я увлекался самыми разными вещами, находил себе хобби, секции, планировал жизнь, даже составлял расписание, но никогда ничего не доводил до конца. Мой энтузиазм иссякал, едва я приступал непосредственно к какому-то занятию. Со временем мне это надоело, и я просто перестал строить планы. Плыл по течению, и, как это обычно бывает, оказался в болоте, смрадном и мёртвом. Жизнь быстро теряла смысл. К старшим классам я совершенно не различал дни: они летели слишком быстро и ничем друг от друга не отличались. В институте дела шли не лучше. Но потом я познакомился с Леной, милой, но немного странной девушкой, снимающей квартиру неподалёку от моего скромного жилища. Когда мы перешли на ты, она мне сказала:

– Давай дружить. Только, чур, никакой любви.

И я согласился. Два раза в неделю, по определённым дням и в строго обозначенное время мы стали встречаться в кафе на углу, пить горячий шоколад и мечтать о всякой ерунде. Пару раз в месяц спали вместе в её полуторной кровати. Вот уж кто был для меня воплощением сексуальности, так это она: у неё была на удивление узкая талия, большая грудь, прекрасные каштановые волосы, норовящие влезть в рот в самый ответственный момент. Но и как собеседник Лена меня совершеннейшим образом устраивала. Мы могли часами развлекаться разговорами о всяких глупостях, я даже снова начинал строить какие-то планы, и, благодаря настойчивости моей подруги, один из них всё-таки был воплощён в жизнь – я пошёл на курсы английского, что хотел сделать уже многие годы. Лена тоже рассказывала много, мечтала с удовольствием, говоря о своей будущей семье, о том, что у неё будет два ребёнка, большая квартира и что-то там ещё – не помню. При этом она никогда ничего не загадывала, и мечтала лишь потому, что человеку это свойственно.

Моя обычная неделя теперь выглядела так: пять дней я работал – сидел в офисе и отвечал за бухгалтерские документы. К огромному своему стыду, от нечего делать даже стал собирать пасьянсы – чтобы не рехнуться. По вторникам и пятницам мы встречались с Леной в кафе, в пятницу засиживались допоздна, из-за чего ей приходилось вызывать своего жениха. Он встречал её возле другого кафе за два квартала отсюда. Там она «ужинала с подругой», которой никогда не существовало. Однажды, повалив меня на свою вечно криво заправленную кровать, Лена игриво спросила, не ревную ли я её, но я лишь отрицательно покачал головой. Больше мы эту тему не поднимали.

Лена жила одна, с женихом встречалась только на его территории, так что, как она говорила, её квартира знала только одного мужчину – меня. Пожалуй, этот факт мне импонировал. Лена очень плохо спала и каждое утро замазывала синяки под глазами, так что, в каком-то смысле, секс со мной был для неё терапией: почему-то в эти ночи она вырубалась сразу после душа, и ничто на свете не могло её разбудить. Остальные дни недели она мучилась, и я понятия не имею, почему именно я, а не её жених, помогал ей справиться с недугом. Лена обожала ходить к психотерапевту; каждый раз он внимательно выслушивал её, задавал вопросы и приносил ей чаю, когда она утыкалась в подушку и бесшумно плакала.

С Леной всегда было очень приятно просыпаться. Я открывал глаза и долго исследовал трещинки на потолке. О, это были совершенно необычные линии и разветвления. Мне всегда казалось, что они каждый раз меняли направление, а потому изучать их было одно удоволь-

ствие. Квартира Лены была живой, как и она сама, и только здесь я ощущал это загадочное биение жизни в каждом предмете, в каждом квадратном сантиметре пола, стен, потолка. Краем глаза я видел, как Лена хитро приоткрывала глаза, смотрела на меня так, словно задумала какую-то гадость, ухмылялась и, изображая сонную неосознанность, поворачивалась на бок. Она, наверное, думала, что я не замечаю этих её движений и приготовлений. Через какое-то время, смотря на часы, она начинала отсчитывать секунды. Сначала тихо, шёпотом, потом всё громче и громче. На шестидесятой секунде она подбрасывала одеяло, выпрыгивала из кровати и по холодному полу босиком бежала в ванную. Раздавался плеск воды, а потом она начинала что-нибудь напевать. Песни и душ были для неё единым целым, поэтому раз в две недели я плёлся заваривать кофе под какую-нибудь всеми забытую песенку группы Aqua. В общем, наши отношения были довольно забавны, и никому не доставляли негативных эмоций.

Но судьба имеет странное обыкновение звонить по телефону.

Где-то неделю назад Лена позвонила мне на домашний и попросила приехать. Я, конечно, удивился. Во-первых, оказалось, что она знает мой номер, а во-вторых, такое отступление от правил означало, что случилось что-то серьёзное. Честно говоря, это было так неожиданно, что я надел куртку, сел в машину и нажал на газ. Только преодолев разделяющие нас кварталы, я понял, что спокойно мог бы пройти пешком. Был тёплый воскресный вечер, час назад я купил две бутылки пива и собирался усесться с прекрасно иллюстрированной книгой Гёте в своё мягкое кресло с деревянными ручками, предварительно наделав бутербродов, но это великолепие в один момент осиротело, я всё бросил. Успокаивало меня одно: я знал – если что, Лена сделала бы то же самое.

– Сядь и слушай, – сказала она, когда я вошёл и снял ботинки.

Я покорно сел на маленький стул и уставился на неё. Моя подруга долго кусала губу, бегая по комнате, как маленькая лошадка в детской юле, потом всё-таки села на край кровати. Её взгляд остановился на мне.

– Мне уже неделю названивает какой-то тип. У него неприятный, козлиный голос. Каждый раз он спрашивает одно и то же: знаю ли я, когда умру. Я пробовала отвечать ему, посылать его, просить, умолять. В конце концов, я даже разрыдалась в трубку. Через шесть дней он меня просто достал, ты же понимаешь.

Я кивнул.

– Так вот. После моих излияний он просто молчит, а потом сообщает мне, что умру я во вторник с утра. И кидает трубку. Скажи, что это значит?

Я молчал. А что я мог сказать? Лена снова ухватила губу своими ровными зубками и задрожала.

– Что мне делать? – спросила она.

– Может, прикалывается кто-то? – неуверенно проговорил я. – У тебя нет никаких недоброжелателей?

– Откуда? – Лена усмехнулась, а может, просто громко выдохнула. – Да и глупо это как-то.

– Ну, ты знаешь, глупостей в мире много. Мне как-то одноклассники звонили, делали вид, что продавцы секс-шопа. Спрашивали, могу ли я сейчас встретить курьера, который привёз заказанный мной комплект фаллоимитаторов. Причём примерно то же самое они спрашивали и у моих родителей.

– Дурак! – Лена улыбнулась. – Дурацкая история.

– Может быть, – быстро согласился я. – Но мораль, кажется, на лицо: фаллоимитаторы мне так и не привезли.

Лена рассмеялась.

– Ты меня не успокоил, но хотя бы насмешил. Будешь какао?

– Только если ты пожертвуешь мне немного молока.

– Ещё чего! Будешь пить на воде. Как в детстве.

Она убежала на кухню, и вскоре принесла две чашки, над которыми вился густой белый пар. Естественно, какао было на молоке.

Мы выпили по две чашки, во мгновение ока запихнули в себя по какому-то ужасно сладкому пирожному, которые Лена просто обожала (обязательно с кремовой розочкой и несколькими слоями теста), а потом занялись сексом. В ту ночь Лена была просто великолепна. То есть, она итак обычно хорошо умела меня направить, уверенно играла со мной, доводя до края, а потом выжидая время, чтобы пламя во мне немного поутихло. Но на этот раз она просто творила чудеса: её тело выгибалось под невероятными углами, и даже самая малая складочка кожи возбуждала, сворачивая моё воображение в гордиев узел. Когда она кончала, она откидывала голову назад, её волосы разлетались во все стороны, но неизменно складывались в причёску, как в рекламе шампуня, а грудь яростно вздымалась, словно пытаясь вывернуть наизнанку узкие плечи. Кажется, это повторялось два или даже три раза. В конце концов, Лена просто завалилась на бок и прижалась ко мне. Но против обыкновения не заснула.

– Я, наверное, скоро выйду замуж, – сказала она.

– Значит, расстаёмся?

– Ну уж нет! Просто теперь я буду приезжать к тебе.

– О боже! – Я отвечал медленно, борясь с чудовищным стуком в ушах. – Это ж мне теперь придётся убираться!

– Ах, ты… – пробормотала она. – Значит, секс со мной настолько плох, что не стоит таких жертв?

– Я этого не говорил, – запротестовал я.

– Скажи, что ты будешь делать, если я умру? – вдруг спросила она.

– Ну, для начала напьюсь.

– Дурак. А на похороны придёшь?

– Знаешь, наверное, нет. Тебе уже будет всё равно, а тревожить твою родню и твоего жениха мне не хочется.

– М… Что ж, верное решение. – Она устроилась поудобней и высунула из-под одеяла ногу. Я молчал. Лена чему-то улыбалась в ночи, её тело медленно холодело, жар, охватывавший нас ещё десять минут назад, проходил, организм, кажется, справился со стрессом и заканчивал уборку в разбуженном ураганом доме. Но вдруг Лена вцепилась в меня, вонзив ногти под кожу с такой силой, что я невольно вскрикнул.

– Держи меня! – Её голос был испуганным. – Я как будто улетаю куда-то! Как будто кто-то пытается меня утащить!

Я крепче обхватил её за талию, её руки вдруг расслабились, и она моментально уснула.

Во вторник Лена не пришла в кафе. Я прождал её двадцать минут, но она так и не появилась, а между тем она никогда не опаздывала. Просто не имела этой дурацкой женской привычки. Я выпил обе чашки горячего шоколада, свою и её, и пошёл домой. С тех пор, как мы стали встречаться здесь, мы свято чтили эту обязанность: тот, кто приходит первым, заказывает шоколад заранее, просит официанта принести пепельницу, осматривает окрестности и придумывает тему для разговора. Хоть больной, хоть с переломом, хоть пьяный, хоть спящий, я обязательно приходил, и она приходила тоже. Помешать этому могло только очень важное и неожиданное событие, которого ещё не случалось никогда, и я решил, что это как-то связано с её предстоящей свадьбой. По правде говоря, я уже и забыл про те предсказания, которые Лена получала по телефону. Просто не придал им значения.

А в девять вечера из выпуска новостей я узнал, что Лены больше нет. Она попала в аварию недалеко от нашего места встречи. Если бы я пошёл другой дорогой, то, наверное, увидел бы её смятую машину. Журналист радостно показывал разбитое лобовое стекло, гармошку передней части автомобиля, капельки крови на осколках, а я думал только о том, что эта

кровь принадлежала той сумасбродке, которая два дня назад, задыхаясь, стонала мне в ухо какие-то милые, и как всегда, глуповатые слова и признания. Лена вылетела через лобовое стекло, перемахнула через врезавшийся в неё Опель и рухнула на тротуар. Ремень пристегнуть забыла, дурочка. Я поймал себя на мысли, что раньше безучастно смотрел подобные программы. Стало ли мне стыдно? Вовсе нет. Я лишь подумал о том, как же должно быть много в мире людей, что смерть трёх-четырёх – это «в Москве относительно спокойно». Радует только то, что это – чистая правда. Город жрёт людей.

О Лене я решил не думать, и на всякий случай открыл бутылку водки. Всё, что происходило потом, я помню как в тумане. Во-первых, я напился. Как и обещал своей любовнице два дня назад. Во-вторых, почему-то, я решил ей позвонить. Вот так просто. Набрал номер, стал ждать. Гудки слились в вечность. И тут мой обычно молчащий домашний телефон заговорил. Я скинул, подошёл к аппарату и поднял трубку.

– Вы знаете, когда вы умрёте? – спросил меня мерзкий голос на том конце провода.

– Нет. – Я был спокоен и пьян.

– Понятно. – Отозвался незнакомец, и в трубке раздался сначала какой-то странный плеск, а потом мерные гудки. Видимо, обладатель голоса не собирался прощаться со мной, как того требовали правила приличия.

Конечно, я не пошёл на Ленины похороны. Это было бы очень глупо. Возникли бы вопросы – кто я такой, что здесь делаю, какие у нас были отношения. Наверняка там был её жених, уверен, хороший, отзывчивый и немного наивный малый, утративший свою любовь. Не хотелось его смущать. А потому я позвонил на работу и сказал, что на этой неделе больше не выйду.

– Ты понимаешь, что я могу оформить только отпуск за твой счёт? – как-то безнадёжно спросил мой шеф, практически одногодка.

– Ага, – спокойно ответил я и положил трубку. Хорошо иметь с начальником приятельские отношения, которые никогда не станут дружескими. Я налил себе рюмку и уставился в календарь. В четверг приберусь в доме, в пятницу схожу в кафе, посижу один в компании двух стаканов горячего шоколада. А вот что я буду делать в выходные – последние два дня моего незапланированного отпуска? Пока не знаю.

Почему-то мне ужасно захотелось позвонить ей ещё раз. Конечно, это было опасно, я мог нарваться на её жениха. Я даже не знал, как записан в её книжке. Лена была таким человеком, что легко могла так меня и записать – «любовник». С другой стороны, какая теперь разница? Услышу мужской голос – брошу трубку. Но нет, никто не поднимал. Телефон был в зоне доступа, просто раздавались равномерные гудки. И только когда я уже хотел захлопнуть мою раскладушку, услышал странный звук, словно телефон с включённым микрофоном доставали из лужи.

– Привет, – ответил мне знакомый до малейших нюансов голос моей мёртвой любовницы.

О птицах, поющих в неволе

Когда я остановил машину на берегу реки, отчаянно завыл мой телефон. Номер не был знаком ни мне, ни аппарату, а потому поднял трубку я с некоторой опаской.

– Здравствуйте. – Мужской голос звучал печально, но почтительно.

– Добрый день, – отозвался я, закуривая и открывая окно. Как много вещей может делать человек одновременно, если у него возникает такая необходимость! Всегда удивлялся этой его способности.

– Дело в том, что я жених Леночки, – поделился со мной нерадостным известием голос. Вот уж кого мне сейчас не хватало для полного счастья.

– Очень приятно, – соврал я и замолчал, ожидая продолжения. Повисла странная дрожащая тишина.

– Я ваш номер нашёл в её мобильном телефоне. Вы там были записаны как «любовник», – что это?

Кажется, мой визави усмехнулся? Впрочем, ладно. Ах, Лена, Лена. Хотя от тебя можно было этого ожидать. Если бы кто-то влез в твой телефон, ты бы просто его убила, чтобы он уже никому никогда ничего не рассказал. Это было твоё интимное пространство, куда посторонним вход был заказан.

– Это шутка, думаю, вы понимаете, – пробормотал я. – Я с ней знаком некоторое время. Никаких особых отношений у нас не было. Может, она так меня назвала из-за какой-нибудь вашей ссоры?

– Ну что вы? – Голос был удивлённым. – Мы жили с Леночкой душа в душу!

Ага, душа в душу. То-то ты никогда не был в её квартире. Никогда не лежал на её кровати. Никогда не пил какао из пузатых белых кружек у неё на кухне, где подоконники были заставлены горшками со старыми кустиками алоэ и герани, которые сегодня уже стали каким-то невыразимо скучным атавизмом. На секунду в моём сознании мелькнуло злое высокомерное удовольствие, но я усилием воли его подавил.

Вообще, людям свойственно полагать, что мир существует только до тех пор, пока они на него смотрят. А значит, того, чего они не видят, и о чём не знают, попросту нет.

– Выражаю вам свои соболезнования, – сказал я. – Видел в новостях. Это ужасно.

– Спасибо! Я сейчас собираю информацию о том, как она жила вне НАС, если вы понимаете, о чём я. Это интересно, прежде всего, маме Леночки. Может, вы можете уделить мне немного времени? Скажем, сегодня в пять в каком-нибудь кафе.

– К сожалению, я не в Москве сейчас. Но в любом случае, я немногим смог бы вам помочь. Извините.

Мы довольно холодно попрощались. Кажется, какие-то подозрения всё-таки закрались ему в душу, но я его в этом винить не могу. Сигарета в моей руке догорела сама собой, а я даже ни разу не затянулся. Курить как-то расхотелось.

Каждая певчая птица должна знать свой собственный, уготованный ей шесток. На нём она чувствует себя в безопасности и поёт, потому что не может не петь. Если бы она могла не петь, она бы, наверное, не делала этого вовсе, так как вокруг всё равно лишь прутья клетки, а петь для них не слишком-то интересно. Дикая птица в этом смысле сильно отличается от своей одомашненной родственницы. Она свободна, горда, весела и манерна, хотя, казалось бы, с чего ей такой быть?

Я – птица одомашненная. У меня есть свой собственный шесток, воздвигнутый не кем-то, а появившийся сам собою, как по мановению волшебной палочки. Кто виноват, что я давно оставил надежду взять нужную ноту? Но иногда необходимо устраивать себе встряску,

я итак слишком долго тянул. Слишком долго делал вид, что моя гортань приспособлена лишь для никому не нужных слов.

Я вышел из машины. Можно было спокойно осмотреться. Итак, вокруг – родной город, старый, хотя и молодящийся. Это как седина, которая упорно выбивается из-под крашеных волос городской старушки: нет-нет, да и появляется белый еретик в гудроновом поле, непрошенный, как та ворона. Идёшь вдоль покосившихся построек, и вдруг натыкаешься на свежую краску, или на новую веранду, аляповато прилепленную к обшарпанным стенам каменного короба. И всё вдруг встаёт на свои места. Когда-то в реке ловили больших острозубых щук, напротив вот этого зелёного дома был кривоватый мостик для полоскания белья, вот тут росло дерево с единственной веткой, на которую залезала вся местная детвора. Ветка надсадно трещала, но груз умудрялась держать. Героическое дерево теперь выглядит кургузо – ветка всё-таки не выдержала веса куда более тяжёлого, чем наши тщедушные тельца. Да и выдержал ли я сам многотонный вес времени?

Домик, который мы когда-то снимали, остался на своём месте. К его чести, он не слишком изменился. Краска, конечно, облупилась, но выглядит он всё также крепко, словно строили на века. А может, и правда, готовились к вечности. Этот дом – удивительное существо, в детстве мне казалось, что он немножко живой. Виной тому были звуки, которые можно было слышать ночью: полы скрипели во всех комнатах, причём играли совершенно разные ноты. Музыки, правда, не получалось, получалась довольно противная какофония, свою лепту в которую вносил и ветер, забиравшийся под металлическую обшивку крыши. Я уже говорил, что первое время не мог спать – так громко и решительно бились листы о деревянные перекрытия. А ведь я не был склонен наделять звуки каким-то смыслом, они просто действовали мне на нервы, как вздохи и причитания спящего соседа. Да и от всяких потусторонних мыслей меня всегда защищали крики улицы, рёв мотоциклов и снующих туда-сюда машин. Русские дороги никогда не спят, по ним едут и едут новые странники, которых не смущает ни ночь, ни непроглядный туман, ни барахлящий карбюратор, будь он неладен.

Незнакомая мне бабушка прошла к колодцу за водой. Раздался тяжкий всплеск, потом – надсадный скрип ворота, а я всё стоял напротив дома и смотрел, как он будто улыбается, узнав во мне старого знакомого. По дороге назад бабушка что-то пробурчала себе под нос, видимо, заподозрила меня в чём-то. Старушки, они вообще постоянно меня в чём-то подозревают. Я ещё раз нажал на кнопочку сигнализации, открыл багажник и достал оттуда банку отечественного пива. Специально взял именно его, так как когда-то, много лет назад, откупорил здесь бутылку своего первого, дешёвого. Это определение вполне заменяло название. Правда, я тогда её уронил, и она вертелась китайской петардой, разбрызгивая во все стороны пену.

Я развернулся и спустился к реке. Она нисколько не изменилась. До сих пор не понимаю, почему она вечно течёт и никогда никуда не утекает. У берега поставили стол и скамейку, а потому я со всеми удобствами разместился и стал наблюдать за течением. Оно не постарело, всё такое же мощное, суровое, титаническое. И никакие водоросли, растущие в изобилии по всей реке, не могут замедлить его неуклонное движение. Неспроста время часто сравнивают с текущей куда-то водой. Вот только все реки рано или поздно пересохнут. Значит ли это, что времени тоже когда-нибудь не станет?

С Леной мы часто говорили о времени. Она его не признавала, не обращала внимания на возраст, на то, что закончилось детство, жила всегда даже не завтрашним днём, а сегодняшним вечером, потому что загадывать тоже не умела. Применительно к будущему она использовала слово «наверное». Наверное, схожу завтра к зубному, наверное, попрошу на следующей неделе отпуск, наверное, скоро выйду замуж. Не вышла. Точнее, не вышло. Время утекло, её река пересохла. И даже русло засыпали землёй, чтобы никто не испытывал долго мук памяти.

– Ты слишком много внимания уделяешь памяти. Это загонит тебя в клетку, – любила говорить она. Клетка, так клетка, канарейки поют в них такие оперы, что никаким золотым голосам планеты не снилось.

Я, в отличие от Лены, времени боюсь панически. Когда я начинаю что-то делать, когда у меня появляются планы, я сразу получаю в нагрузку страх не успеть осуществить задуманное. Возможно, поэтому я однажды отказался от любых мечтаний. Представьте себе, завтра вам сообщают, что осталось совсем немного. И что? Вместо того чтобы пожить для себя в счастливом животном состоянии, вы вдруг начнёте быстро пытаться доделать всё, что не успели. Получится, конечно, из рук вон плохо. В результате, у вас сдадут нервы, вы потратите последние деньки на то, что издёргаетесь, впадёте в депрессию, и уйдёте мрачным сычом, без друзей и достижений. Ну уж нет, решил я однажды. И перестал мечтать. Друзей, правда, от этого както не прибавилось.

Но вот прошлое меня манило всегда. Если принять на веру, что запоминается только хорошее, вполне ясно, почему мы все ищем счастье в прошлом, а не стремимся построить его в будущем. Будущее – оно совсем непонятно, оно зыбкое и, возможно, недостижимое. А вот хорошее в прошлом точно было, придётся принять этот факт как должное. И оно греет куда сильнее любых миражей.

– Сидишь, сынок? – окликнул меня голос пожилой женщины. Я обернулся. На меня смотрело милое лицо местной домовладелицы, которая вышла посреди дня прополоскать бельё.

Традиция полоскания белья в реке уходит корнями в древние времена, а потому не стоит винить людей в несерьёзности: да, вода в реке не слишком чистая, но ведь так делали и матери, и бабки, и прабабки до десятого колена. И главное, жили припеваючи, ни о каких болячках помыслить не могли.

– Сижу, – отозвался я.

– Что-то мне твоё лицо знакомо, – улыбнулась моя пожилая собеседница. Не знаю, как, но меня всегда узнают те, кого я не видел много лет, хотя, вроде, и растительность на лице появилась, и вырос я значительно, и похудел сильно.

– Я у вас когда-то снимал дом, – сказал я, хотя снимали, конечно, родители.

– Ах, да! Помню тебя. Сколько же лет прошло?

– Много, – я отвечал медленно, пытаясь в уме посчитать. – Лет десять.

– Батюшки! – Женщина захлопала глазами. – Целых десять лет!

Мы помолчали. Она присела на мостик и начала полоскать бельё. Я вперил взгляд в лес на той стороне, и тихо пил пиво из банки, иногда переводя взгляд на мою во всех смыслах старую знакомую.

В общем, так я нашёл себе временное пристанище. Небольшая веранда, куда меня привела эта женщина, представляла собой прямоугольное помещение с одной кроватью, столиком и электрической печкой, на которой я сразу же принялся готовить себе нехитрый обед. Поджарил колбасы, кинул на хлеб, вот и готово угощение. И всё это время думал лишь об одном: зачем я здесь? Снова и снова возвращаясь к этому вопросу, я никак не мог найти на него однозначного ответа. В конце концов, я просто решил об этом не думать. Пусть всё будет так, как будет. Конечно, самая важная задача – снова увидеть тот туман, попробовать его на вкус и понять, осталось ли что-то от старого мира.

После обеда я присел на крыльцо и закурил. Обычно я не уделяю особого внимания красотам природы, но послеобеденный довольный взгляд готов озирать любые окрестности и восторгаться ими. Передо мной снова простираются огороды и пустыри, обычно прячущиеся от стороннего наблюдателя за рядом домов. Дальше – лес, сейчас он какой-то тёмный, уже поосеннему неприветливый и смурной. Но в начале лета он, на самом деле, весьма доброжелателен, хоть его и подтачивает с одной стороны местное кладбище, постепенно отъедающее себе лишние метры. Оно прорастает вглубь, не имея чётко обозначенной территории, а потому вы

вполне можете гулять по лесным тропинкам и случайно наткнуться на только что вырытую могилу. Здесь это – в порядке вещей. Детьми мы часто рассказывали друг другу страшные истории о том, как прямо посреди поляны находили кости, и, честно говоря, эти истории казались весьма правдоподобными. Человек – он даже после смерти иногда умудряется доставлять другим неприятности, в этом заключается его основное отличие от животного.

Как медленно тянется время. Оно – очень странный сорт резины, растягивается до невозможного состояния. Порой кажется, что каждая минута длится целую вечность, а секундная стрелка вообще издевается над тобой, наматывая жилы на страшную инквизиторскую дыбу. Я сидел и курил, и между сигаретами, как мне казалось, проходили часы, хотя на самом деле, я прикончил пачку за каких-то полтора часа. Подступала тошнота, а сумерек всё не было видно. И тогда я решил прибегнуть к лучшему способу избавиться от любого волнения. Пойду посплю, решил я, и вернулся в свою каморку.

Творение мира и медведь-велосипедист

Проснулся я оттого, что в белёсое стекло, обрамлённое фанерной рамой, кто-то постучал. В комнате было темно, свет я перед сном не включал, так что даже обувь пришлось искать довольно долго. За окном маячила чья-то тень, и я поспешил посмотреть, в чём же дело. Оказалось, что хозяйка, милая женщина, принесла мне на ужин сырников. Она всегда их хорошо готовила – в детстве я ими объедался, и прочие соседские ребятишки от меня не отставали. Пекла она их много и часто, так что вкуснятина появлялась регулярно, правда, моментально пропадала у нас в желудках, не залёживаясь на накрытом во дворе столе.

Я поблагодарил хозяйку, вернулся в комнату и уставился на часы. Было уже одиннадцать вечера. Хорошо, что я никогда не придерживался никаких диет и мог спокойно поужинать в столь поздний час. Как всегда, было вкусно. И немного грустно от того, что это были те самые сырники, и даже вкус остался прежним, но вот воспринимаются они теперь иначе. Разница минимальна, но она есть. Пропало ощущение праздника, преследовавшее маленького меня на протяжении всех моих летних месяцев.

После ужина я накинул ветровку и отправился на улицу. Ближе к полуночи на меня стала накатывать хандра. Я ходил по основной улице городка, и всё мне чудилось каким-то нереальным. Казалось, что я сплю, и что скоро меня разбудит будильник. И я пойду на работу. И, может быть, после этого отправлюсь в кафе, чтобы встретиться с Леной. Вот только Лены больше нет, а от моей души оторвали огромный мясистый кусок и куда-то выкинули. Неожиданно захотелось плакать, но я с детства привык к тому, что не умею этого делать. Мои слёзы всегда трансформируются в злость, и именно она даёт мне силы.

Между тем, ночная улица совершенно не впечатляла. Большая часть фонарей не горела вовсе, остальные еле теплились. Я даже удосужился их пересчитать – всё равно до наступления тумана делать было нечего. Девять фонарей. Девять огромных потерянных маяков, которые с трудом выполняют свою функцию. По ним уже сложно ориентироваться, на них уже нельзя надеяться, можно только радоваться, когда один из них вдруг загорается и на время становится твоим путеводным светом. Где же туман? Где это белое марево, в котором, как в колдовском сне, растворяются ненужные люди, пропадают ненужные мысли, обостряется слух и обоняние? Где он, когда так сильно его ждёшь и желаешь? Может, он задерживается? Но нет, просто на часах ещё минуту назад была полночь. Просто есть ещё время открыть новую пачку и закурить. Есть время дать пару сигарет местному пареньку, идущему навстречу. Есть возможность даже немного перевести дух, сев на ту самую скамейку, где мы коротали часы во время нашей последней встречи. Резиновое время неполноценных людей, живущих лишь памятью, не имеющих стремлений, желаний, мечтаний и даже планов на пару недель вперёд.

Ты слышишь свои шаги? Раз, два, три, несколько метров позади, а ты всё идёшь и идёшь. Потом разворачиваешься, на всякий случай делая вид, что что-то забыл, может, оставил на плите чайник. Снова шаги. Мерные, ровные шаги по разбитой дороге.

Кто здесь?

Это я, твоё сознание. Приятно, когда можно поговорить с умным человеком, правда? Ну и что ты сутулишься? Ах, ноша тяжела. Так скинь её! Избавься от всего! Воспоминания – под нож, ненужные чувства – в ведро. Наклони голову, вытряси мусор через ухо, полегчает. Не хочешь? Почему же?

Почему люди всегда стремятся сохранить свои детские игрушки, хотя давно выросли, почему им так важно хранить фотографии давным-давно чужих людей, с которыми они больше никогда не встретятся?

Ну что ты всполошился? Да, я уговаривал тебя выкинуть Ленино фото. Но ты даже пьяный этого не сделал. И когда-нибудь ты пожалеешь об этом. Когда случайно наткнёшься

на него, сядешь на кухонный стол, возьмёшь сигарету и будешь долго изучать черты её лица. Я говорил тебе: избавляйся от старого, новое уже на подходе. И не надо так укоряюще, я не Иуда, на осине не повешусь. На липе, разве что, вон на той, на которой когда-то висела тарзанка.

Точно, здесь висела тарзанка. Её, помню, повесил папа одной девочки, чтобы она больше времени проводила на улице, а не сидела с книжкой в чулане. Было весело.

Ну конечно. Тебе было весело. Почему тебе не было весело на своём выпускном вечере? Почему не было весело в институте, когда все вокруг были доброжелательны, когда в твоей группе училось так много красивых девушек, действительно следящих за собой? Почему единственной, с кем ты подружился, стала именно неряшливая Лена, совсем не от мира сего? Почему тебе было весело раньше, и совсем невесело сейчас?

Не знаю.

Не знаешь? А я знаю. Ты загнал себя в огромный вольер, который сам же себе и построил. Дверь захлопнулась. Раз, два, три! И ты уже в нём один. Никакая ты не певчая птичка, ты просто загнанный зверь, которому сравнительно повезло оказаться не на вертеле, а в зоопарке, где хоть все на тебя и пялятся, зато дают жрать строго дважды в день. Не ахти какая забота, конечно, но точно не помрёшь. Ладно, ладно, заканчиваю. До тебя не достучишься, да? Ну и ладно. Смотри, вокруг уже туман.

И правда. Туман. Вот он, протяни руку, и она утонет в молочной белизне! А запах! Это что же такое? Точно, белый налив. Душистый, как будто концентрированный. Мне всё интересно. Вдали что-то движется, клубится, я пытаюсь понять, что это, но тщетно – здесь нет законченных образов, только лёгкие наброски, непонятные никому, кроме художника. Волосы на теле встают дыбом, вроде как в грозу. Звуков нет. Только какой-то шорох – это туман ползёт по траве. Трава чувствует его тяжесть, прижимается к земле кошкой, готовой бежать, но бежать не может, её держат бесчувственные одряхлевшие к концу лета корни. Совсем пропал из виду город, я опять один в белом шуршащем безмолвии, и ничто на свете мне уже не нужно. Только бы сюда не проникло ничто чужое, только бы не нарушило красоту и гармонию мира до момента его рождения.

И вдруг я всё понял. Мир ещё не родился. Этот туман – то, что было *до* всего, в нём ворочаются колёса творения, способные создавать, способные и уничтожать, здесь творятся великие дела, и кто я такой, чтобы пытаться в них разобраться? Но даже мне, червю из червей, дано понять всю красоту этой неоконченности, её змеящуюся дымку, изначальный запах яблок, ощущение близости чего-то столь могущественного, что не хватит никаких слов, чтобы описать это могущество! Яростно молотят по поверхности воды жернова, сидит на камне горбун, принимающий вызовы богов, туманная канцелярия живёт своей собственной жизнью, выдавая распоряжения о скорейшем создании новых туманных сущностей. Я как мальчик, который тайно проник в заводской цех – я ничего не могу понять, но могу громко восхищаться огромными машинами, занятыми своими обыденными, но от этого не менее загадочными делами. Да, я – просто маленький мальчик. Мне совсем немного лет. Я смотрю широко раскрытыми глазами на то, что совсем скоро станет реальным миром, но пока ещё ИМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ.

– Понял, наконец?

– Понял. Только что, наконец, понял.

– Почему так поздно?

– Раньше не мог. Наверное, нужно было, чтобы что-то случилось, разбудило спящее озеро.

– Озеро? Кто бы мог подумать. Ты всё такой же романтик.

– Ну, не такой же. Прошло много лет.

Я обернулся. Туман слегка расступился, чтобы я мог лучше разглядеть свою собеседницу. Разглядеть я её, правда, не смог, слишком всё вокруг призрачное, но разговаривать стало проще – когда знаешь, куда примерно смотреть, всегда проще, даже если глаз не видно. Воз-

можно, просто память меня подводила – я не мог вспомнить, какие у неё были глаза, когда мы последний раз встречались много-много лет назад.

– Ну, здравствуй, – сказала она.

– Привет, – ответил я.

– Вот мы и встретились. Как ты и хотел, в тумане.

– Да, в тумане. Он величественен, правда?

– Наверное. Тебе лучше знать, это – твой туман.

– Разве и не твой тоже?

– Может быть. Но для того, чтобы он считался моим, мне бы неплохо было быть здесь, как бы это сказать, более материально, чем сейчас.

– А сейчас ты где?

– Ой, это сложно объяснить. Не тут. Хотя, ты со мной разговариваешь, значит, наверное, и здесь тоже. Парадокс.

Мы молча побрели вперёд сквозь туман. Потом мы о чём-то говорили, как тогда, давно, и опять слова были лишь фоном. Всё-таки в мире без звуков невозможно долго находиться, и не начать с кем-то говорить. Пусть даже с собой. Пусть даже с неясной тенью, что бредёт от тебя по правую руку.

У меня совершенно неожиданно промокла майка. Я как-то никогда не думал, что туман может быть мокрым, хотя, вообще-то, он состоит из воды. Как сказал мне когда-то какой-то знакомый, туман – это просто испаряющиеся слёзы. Жидкость превращается в лёд при низких температурах, а испаряется при высоких. Слёзы, наверное, тоже могут замёрзнуть или вознестись на небо в виде лёгких как пёрышко частичек завтрашних дождей. Может, я потому и не умею плакать, что мои слёзы превратились однажды в туман, и теперь каждую ночь выходят из далёкого тёмного леса навстречу реке?

– Послушай, – сказала она вдруг, – я хочу, чтобы ты помог одному человеку.

Неожиданная предметность фразы настолько меня удивила, что я на секунду испугался за наш допотопный туман. Вдруг он не выдержит, рассыплется, как карточный домик? Но нет, ничего не случилось.

– Кому? – Спросил я и долго ждал ответа. Она молчала не потому, что не знала, как ответить, она хотела, чтобы я сам догадался. – Тебе?

– Мне, – она отвернулась.

– Как я тебя найду? – спросил я.

– Уж найди как-нибудь.

Я подождал, – может, она даст хоть какую-то подсказку, но она отвернулась от меня, и, казалось, смотрела в сторону. Знакомые мне когда-то черты её лица стали отчётливо вырисовываться только сейчас. Я начал вспоминать, какой у неё был подбородок, и туман вокруг него немного рассеялся. Вспомнил тёмные брови, длинные волосы цвета кофейной гущи, маленький аккуратный носик, и всё это постепенно проступало, заново рисуя мне её портрет. Я достал из кармана пачку сигарет и закурил. Когда свет зажигалки на секунду ослепил меня, она сбежала, и я остался в тумане один. Наверное, сама попытка вспомнить всё напугала её, и она поспешила удалиться, пока память полностью не восстановила её лицо в мельчайших подробностях.

Тогда я побрёл куда-то, тихо ступая по земле, стараясь не спугнуть этот неожиданно потускневший, но всё ещё неизмеримо прекрасный мир. Туман тревожно, но вовсе не угрожающе загудел, принимая новые правила игры.

– Здравствуйте, – раздался голос у меня за спиной. Я резко обернулся и недовольно кивнул. Этого человека я не знал. Передо мной за столом (что может быть безумнее, чем стол посреди дороги?) сидела старуха, горбатая, смотрящая на меня какими-то рыбьими пустыми глазами. Готов поклясться, что только что её здесь не было. Если бы не туман, я бы, наверное,

смог различить свои следы на дороге. Ни старухи, ни стола здесь быть не могло – я же мгновение назад здесь проходил. И кому вообще пришло в голову поставить огромный офисный стол прямо посреди городской улочки?

– Я вас знаю? – задал я единственный вопрос, который пришёл мне в голову.

– А какая, в сущности, разница? – удивилась она. – Теперь знаете.

– Вообще-то, верно. Чем могу вам помочь?

– Хотела попросить вас больше не звонить по тому номеру. – Она, конечно, говорила о Ленином мобильном, я это сразу понял.

– А почему, собственно?

– Да просто, не звоните, и всё.

Всё происходящее напоминало дурной сон. Я даже ущипнул себя за ногу, но от этого только стал глупо выглядеть. Эффекта не было. И тогда я разозлился не на шутку. Достал из кармана трубку и быстро набрал Ленин номер, по памяти, за несколько секунд. Поначалу было тихо. А потом где-то совсем рядом раздался звонок. Turn Back Time. Древняя мелодия, которая так нравилась моей мёртвой любовнице. Женщина за столом посмотрела на меня так, как обычно смотрят скучные взрослые люди на того идиота, который, будучи сорокалетним, воодушевлённо радуется цирковому медведю, катающемуся на велосипеде. Медведь всё катается, человек всё радуется, улюлюкает, и не замечает, что публика постепенно перестаёт смотреть на диковинного зверя, найдя новое потешное зрелище.

– Какая оригинальная мысль, – сказала вдруг женщина, показывая мне мобильный телефон, дрожащий в её костлявой руке, и её голоса я не узнал. Точнее, наоборот, узнал, и голос принадлежал вовсе не ей. Именно его я услышал в трубке спрашивающим меня, сколько мне осталось жить. Именно он предрекал Лене гибель. Скрипучий, как петли несмазанной двери, противный до отвращения, и пугающий, как сова в ночном буреломе.

– Что вы такое?

– Я – ничто. И даже никто, коли тебе будет угодно, невежа. Я просто звоню. Когда надо и куда надо. Для этого я и сижу здесь, в этом дурацком тумане.

Я подошёл к старухе и наклонился над ней, пытаясь заглянуть ей в глаза и понять, о чём она думает. Не вышло. В глубине её глаз колыхалась речная вода, и прожилки ряски были единственными свидетелями бездны во всей её безжалостности.

И тогда старуха засмеялась чудовищным смехом. Вовсе не таким, как показывают в кино, он был отвратительным, захлёбывающимся и задыхающимся. Так должны были смеяться закованные в испанские сапоги ведьмы, замурованные заживо любовницы царей, так должен был смеяться открываемый отмычкой ночного убийцы дверной замок, конечно же, догадывающийся о судьбе вверенного ему спящего. Этот тошнотворный смех вызвал во мне давно забытое чувство звериного ужаса, я попытался ударить по столу, со всей силы, чтобы старуха наконец заткнулась, но вдруг стол исчез, исчезло это мерзкое создание, и я рухнул вперёд, не найдя опоры.

Туман неожиданно испарился. Вдали над лесом показался первый луч оранжевого рассветного солнца. Я стоял по колено в воде, и река непонимающе смотрела на неожиданно решившего в ней искупаться ранним утром дурака.

Я промок до нитки. А ещё ощущал себя смеющимся над милым катающимся на велосипеде медведем старым зрителем, купившим билет на последние карманные деньги.

Ферзь устремляется вперёд

Найди меня как-нибудь, сказала она. Не звони больше по этому телефону, сказала старуха и погрозила пальцем. Возвращайся домой, сядь и как следует всё обдумай, сказало мне моё рассудительное сознание. И я послушался. В Москву я въехал где-то около трёх, забежал в магазин и купил кругляш сулугуни, чтобы было чем пообедать. В багажнике ещё лежал свёрток с сырниками, так что с голода точно не помру.

Войдя в квартиру, я первым делом бросился к телефону. Долго искал в записной книжке номер одного моего старого товарища. Звали его Борей, но все в шутку называли его Борисом. Полные имена в детском кругу – большая редкость, просто мальчик имел выдающиеся лидерские качества, всегда был заводилой.

Не скажу, что мы были лучшими друзьями, – я был куда спокойней, рассудительней и даже нелюдимей. Но его телефон у меня всё-таки был. Когда парень спрашивает телефон у парня – это нормально, предлог может быть любым: пойдём мяч погоняем, пойдём на великах покатаемся, пойдём выпьем пива. Это ни у кого не вызывает вопросов. Естественно, телефонов девчонок у меня не было, так как я просто не знал, под каким предлогом их нужно просить. А с Борисом получилась такая история.

После того, как я последний раз был в родном городе, мы несколько раз встречались. Пили пиво, говорили о девушках, которые нас пятнадцатилетних весьма и весьма интересовали. Даже пообещали друг другу, что, несмотря на возможность знакомства с представительницей противоположного пола, мы всё равно не перестанем общаться. Вышло с точностью до наоборот. Боря любил вступать с девушками в дуэль, его интересовали только роковые красотки, которые манипулируют мужчинами просто потому, что такими родились. Я тогда думал, что ему и нужна властная пассия, достойная прирождённого лидера. Боря обладал несгибаемой волей, он отлично учился, серьёзно занимался спортом, даже имел какие-то разряды, кроме того, играл на скрипке и сочинял стихи. Да и внешне он был совсем не дурён, обладал широкими плечами и подтянутым торсом, я же, кроме высокого роста, ничем от заурядного нескладного юноши не отличался. В общем, он имел кучу достоинств, и я ему завидовал.

Потом Боря сошёл с ума. Естественно, из-за девчонки. Она была старше его года на три, но его это не смущало, он с упорством ледокола разламывал лёд между ними и вскоре ничего кроме этой битвы вокруг себя не замечал. Даму Бориного сердца я видел, девушка действительно была сногсшибательной, но очень уж своенравной. Борин роман носил характер укрощения мустанга. Постепенно он всё больше погружался в эту баталию, а потому наше с ним общение сошло на нет.

Настало время напомнить о себе. Боря и на даче отлично умел увлечь девчонок, так что можно было надеяться, что телефон моей туманной подруги у него где-нибудь завалялся. Они, правда, никогда не ладили. Я уже, кажется, говорил, что даже в приятельских отношениях с ней состояли единицы, в основном мы играли особняком, не пытаясь привлечь ещё кого-то в наш закрытый кружок.

Найдя Борин номер, я сел в кресло (ничего не могу с собой поделать, люблю этот мещанский элемент быта) и позвонил.

– Да? – грубовато ответила мне трубка низким женским голосом.

– Бориса можно? – так же грубовато вопросом на вопрос ответил я.

– Кого? А, Борьку что ли? Сейчас.

Голос был неприятным. В нём мне послышалась вся боль покорных судьбе угнетённых и комплексующих по пустякам угнетающих. Трубку кинули на стол, но я слышал, как на том конце раздался крик.

– Борис, вас к телефону! Вы поднимете свою жопу с дивана, или вам принести трубку?

Ответа я не расслышал. Через минуту раздался какой-то шорох, и я услышал голос старого знакомого.

– Алло!

– Привет, Борь, – пробормотал я и представился.

– А, привет! – Голос Бори звучал радостно. – Как дела?

– Да ничего так. А у тебя?

– Ну, бывало лучше.

– Слушай, мне нужна твоя помощь. Мы можем встретиться?

– Ну, да. Где?

Я назначил Боре встречу в кафе в центре города.

– Хорошо. Только это, у меня с деньгами напряг…

– Ладно тебе, я хочу, чтобы ты мне помог, так что обед за мой счёт.

– Идёт, – засмеялся Боря, и мы попрощались.

Кафе, в котором я назначил встречу товарищу, было не из дорогих. Я вообще не люблю пафосные заведения, в которых можно оставить половину зарплаты. Наверное, те, кто могут себе позволить частые обеды в таких ресторанах, не считают их плохими, но мне там неуютно. Складывается ощущение, что за столом ты должен быть больше, чем самим собой, а мне как-то никогда не удавалось раздуться жабой.

Я приехал немного раньше и заказал любимый шоколад. Очень уж я к нему пристрастился за последние несколько лет. События этой ночи уже начали стираться из памяти. Потускнел туман, забылся её тембр голоса, да и старуха стала казаться каким-то усмирённым недоразумением. Вот только ущипнул я себя сильно, так что точно не спал. А значит, и старуха была, и она была, были просьбы и предостережения, от них уже никак не отделаться. Я оказался на шахматной доске, и для начала стоит понять, какая я фигура и какова траектория моего хода.

Боря опоздал на полчаса. Узнал меня сразу, а вот я долго не мог поверить, что это тот самый Борис, гроза всех мальчишек в городе, вечный выдумщик и главарь. Он осунулся, растолстел, под глазами как сливы набухли мешки, и им был уже не один месяц. Лицо его светилось радостью, но она не вдохновляла, а наоборот была какой-то жалкой пародией на настоящее счастье от встречи со старым знакомым. Эта улыбка невинно осуждённого, ещё не понимающего, что незнакомая дюжина вынесла ему смертный приговор… Он, кажется, сам стеснялся, потому что первое время мы сиделипрактически молча, давая друг другу возможность привыкнуть к тому, какими мы стали.

– Ты не обижайся, что я опоздал. Жена долго со мной беседовала.

– Ну что ты. Она у тебя волевая.

– Она у меня сука. – Боря сокрушённо покачал головой. – Сука и всё.

– А как же та, в чёрной мини-юбке?

– А это она и есть. В общем, не важно. Ты-то как? Женат?

Боря явно спросил именно то, что хотел спросить. Видимо, надеялся, что я его подбодрю рассказом о своих несчастьях.

– Увы, всё ещё один.

– Счастливчик, – сказал он и уткнулся в меню. Мы помолчали ещё немного.

– Заказывай, не стесняйся, – сказал я. – Раз уж я тебя выдернул, должен сделать тебе что-то приятное.

– Спасибо, – улыбнулся Боря. Он довольно долго копался в меню, после чего заказал первое, второе, десерт и даже салат не забыл. И завершил это гастрономическое разнообразие кофе с корицей и сливками. Ну что ж, я был готов к тратам.

Сперва мы поговорили о жизни. Из рассказа Бори выяснилось, что после школы он практически сразу женился на своей возлюбленной, которая казалась очаровательной девушкой.

Родители у неё также были добрыми, милыми, начитанными людьми. По крайней мере, он так думал какое-то время. Потом жена начала перехватывать инициативу, практически засадила мужа за домашние дела, сама же домом не занималась, да и не умела этого делать в принципе. Боря ушёл из института, устроился на какую-то сменную работу, и всё больше увязал в бытовом болоте, пока однажды совершенно неожиданно для себя не запил. На этом вся его подающая надежды жизнь была загублена. Жена вила из него верёвки, её родители постоянно называли его ничтожеством, не достойным их славной дочурки, но почему-то на разводе никто не настаивал, а Боре уже было всё равно.

– И знаешь, что самое странное, – сказал он. – Мне не жаль спортивной фигуры, не жаль просранных знаний, не жаль даже посаженного здоровья, но что мне придётся видеть эту морду до самой смерти – вот это обидно.

– Ты же всегда был сильным, – удивлялся я. – Ты всегда умел управлять своей жизнью.

– Кажется, я попал в тупик. Всё, из него уже не выбраться. Так-то, брат. Не иди моей дорогой. Тут, захороненный живьем, я в сумерках брожу жнивьем…

– Сапог мой разрывает поле, бушует надо мной четверг, но срезанные стебли лезут вверх, почти не ощущая боли, – продекламировал я наизусть. Бродский мне всегда нравился.

– Да. А ведь эта сука совсем ничего не читает. Ну вот ни буковки. Даже родители её что-то там читают, а она нет.

Он доедал молча, печально смотря в своё отражение в супе, и мне впервые стало его немного жалко. Он сломался как-то неожиданно, в том смысле, что именно от него никто этого ожидать не мог. От кого угодно, но не от него. Смотреть на опустившегося человека грустно, но на опустившегося Борю – стократ хуже.

– Ладно. – Я решил прервать молчание. – Такое дело, я ищу одного человека, думаю, ты можешь мне помочь. Мы в детстве дружили с одной девочкой…

– Не продолжай, я знаю о ком ты. Тут странное дело, мне звонок был.

– Звонок? – удивился я.

– Ну да, такой, по телефону, знаешь? У звонившего был очень странный голос. Козлиный какой-то. Или как у половицы скрыпучей. В общем, мерзенький.

– Ну-ну, очень интересно.

– Так вот. Сказал мне, что разыскивается девушка. Нужен её телефон.

Я начал волноваться.

– И ты дал?

– Да я его и не знал никогда. Я, честно говоря, и помнить-то её особо не помню, просто человек на том конце был настолько настойчивым, что голова как-то сама собой прояснилась. Кстати, уже после того, как я положил трубку, я вспомнил её фамилию. Может, сможешь отыскать по фамилии? Сейчас, как же её…

И он назвал мне фамилию. Что ж, половина дела сделана. Интернет с его возможностями сделает остальное.

– Может, выпьем? – предложил Боря.

– А давай, – неожиданно для самого себя согласился я. – Но только пива. Я крепче не пью.

– Это правильно. Давай по пиву.

Я подозвал официанта и заказал пару бокалов самого дешёвого пива. Дорогое я не люблю по той же причине, что и дорогие рестораны. Ему нужно соответствовать, а этот сказ не про нас. Не про меня, и теперь уж точно не про Борю.

– Как всё славно начиналось, – говорил в это время мой старый приятель, сокрушённо качая головой. – Как всё это дерьмо хорошо пахло поначалу! Ты бы знал, какой она была. Весёлая, зрелая, всем своим видом показывала, что редкие люди могут с нею общаться. Язычок у неё был острый. Задница такая на ощупь… В общем, супер-девушка, мечта любого прыщавого юнца.

– И куда всё ушло?

– Да не ушло оно. Просто меня она взяла почти без боя, и я ей наскучил. Но дом-то бросить не на кого. Потому и оставила меня у себя, вроде прислуги. Сама пропадает где-то вечно, точно по рукам ходит, а я пашу. У нас с ней этого дела не было уже года полтора. И не хочу. Вдруг подцеплю ещё что-нибудь.

– Я смотрю, здравый смысл тебе так и не изменяет.

– Изменяет. Ещё как. Как он мне тогда давно изменил, так и не перестаёт этим заниматься, шалава такая.

– Да, здесь как будто правда нет меня, я где-то в стороне, за бортом, – процитировал я всё того же Бродского.

– И знаешь что? Гори оно всё. Мне на жизнь эту уже давно положить. Вот пиво. Помнишь, как мы во дворе стояли, пили в пятнадцать? Хорошо же было. Запретно. Адреналин так и пёр. И какие девчонки вокруг ходили, со многими целовались, со многими любились. И музыка эта изо всех мобильных. И ведь при этом не дураки были вовсе. А сейчас – семья, работа, а я пустое место, ноль, ни планов, ни желаний. Сдохнуть разве что, так и на это сил не хватает.

– Возьми себя в руки. Ты же взрослый человек.

– Да какой я взрослый? Я себе этот процесс, когда ребёнок превращается во взрослого, испоганил; лет много, а ума больше нет. Серость. Серость и тоска. Как же хочется сдохнуть!

– Ладно тебе. Всё выправится. Пей, давай.

– Так потому и пью, понимаешь. Не хочу, а что делать? Больше делать нечего. Когда ничего не хочешь, день тянется долго-долго, как издевается. Сидишь, пень-пнём, тут либо молиться, либо пить. А я ни во что давно не верю, так что, сам понимаешь. Вот ты бы что на моём месте делал?

– Да бросил бы её ко всем чертям, и всё. Новую найдёшь.

– А кому я уже такой нужен? Не, брат, тут уже всё. Я товар пожёванный. Порченый товар. Срок годности истёк.

На этом мы и расстались. Пиво допили, сказали друг другу пару обычных дежурных слов, дескать, созвонимся, и расстались. Я пошёл домой, совершать свой первый ход ферзём по нескончаемой прямой, а Боря вернулся в свой домашний ад, довольный хотя бы одним необычным днём. Мне не хотелось его отпускать, но дела мои требовали срочно вернуться к ним. Завтра уже нужно было выходить на работу, а мне ещё предстояло сесть и как следует прошерстить сеть в поисках моей давно утерянной подруги. Боре же нужно было вернуться домой, иначе ему точно достанется, его точно будет ждать скандал и лишняя головная боль. Зачем? Если смирился, сиди и не возникай, как говорил один тонущий в болоте священник.

Водоворот

– Итак, – сказала она и зубками впилась в коктейльную трубочку. – Как ты верно заметил, мы давно не виделись.

– Не без этого. – Я был сама доброжелательность.

– Чего это ты обо мне вдруг вспомнил?

– Знаешь, как-то, твой образ приплыл на волнах ностальгии. – Криво сказал, но в общем верно.

– Что-то ты странное говоришь. Как образ может приплыть? И какие у ностальгии волны? Ничего не понимаю.

Я промолчал, не желая вдаваться в подробный анализ своего высказывания. Кажется, и так понятно, что я хотел сказать, а придирается она просто потому, что надо чем-то наполнить пустую тару времени.

– Я вообще не хотела приходить. Но эта работа. Она из меня все соки вытягивает. Захотелось посидеть где-нибудь.

– Хорошо.

Это действительно было хорошо. Хорошо, что она пришла в вечернее пустое кафе, и я мог на неё посмотреть. На первый взгляд, ей явно не нужна была помощь. Передо мной сидела взрослая девушка, или даже молодая женщина, целеустремлённая, знающая себе цену, весьма симпатичная. Ей было далеко до какой-то природной сексуальности Лены, но нагловатая грация ей шла. Посмотрел бы на неё Боря. Сказал бы он, что она ничего так? Наверняка. Теперь. Я изучал её лицо, и никак не мог понять, что же изменилось. Знакомые черты, но у каждой линии, у каждого изгиба – новый характер. Она была похожа на учебник по каллиграфии: любой мелочи был придан какой-то чуть ли не религиозный, метафизический смысл.

– Что ты так смотришь? – Её голос отражал желание пуститься в атаку под рёв Иерихонской трубы.

– Просто, изучаю. Сравниваю.

– А. И как?

– Ты изменилась.

– Что поделать, прошло много лет.

– Да уж.

Разговор не клеился.

– Послушай, тебе не нужна помощь? – напрямую спросил я. Пусть я покажусь странным, но зато узнаю всё, что мне надо.

– Нет, с чего ты взял?

– Да так, просто. Когда ты вошла, ты выглядела какой-то подавленной.

– Подавленной бывает ягода, которую готовят для варенья. А я просто задумчивая. Много всего навалилось. Выпускной в институте, надо платье покупать. Да и пару на вечер найти.

– Понятно. В общем, тривиальные проблемы.

– Да, наверное. Но разве личные проблемы не кажутся тебе важнее всех остальных?

– Может быть, уже не уверен.

– У тебя что нового? – Она переменила тему с тем же оттенком скуки в голосе.

– Да что тут нового? Работаю, курю по пачке сигарет в день, иногда больше – когда приходится сочинять очередной липовый отчёт. Иногда выбираюсь в кафе, где выпиваю чашку горячего шоколада. Знаешь, у каждого из нас бывают свои мелкие ритуалы.

– Мне кажется, ритуалами люди обычно заполняют свободное время, если его у них слишком много. У меня вот тоже есть свои ритуалы. Я, к примеру, люблю вечерами после

работы сидеть дома и смотреть что-нибудь по телевизору. Не что-то определённое, а просто любую программу. Движение расслабляет, говорящие люди заставляют поверить, что ты прямо в центре событий. В общем, самостоятельная терапия, если можно так сказать. Но иногда мне это ужасно надоедает.

Мы посидели ещё минут пятнадцать. Немного поговорили о прошлом. Оказалось, что она с трудом может вспомнить то, что мне врезалось в память на долгие годы, а может и на всю жизнь. Неужели мы всегда были такими разными? Неужели то, чему я когда-то придавал смысл, её вообще не волновало?

Потом она засобиралась домой.

– Мне пора.

– Тебя проводить?

– Не стоит. Я не так далеко отсюда живу. Доберусь. И ты иди, тебе же завтра на работу?

– Да, на работу.

– Ну вот. Отсыпайся. Рада была тебя повидать.

Я протянул ей визитку. Кажется, это был первый раз, когда я ею воспользовался. Она не глядя кинула её в сумку, на лице не отразилось даже малейшей заинтересованности. Этот клочок бумажки точно затеряется. Видимо, мы больше не встретимся.

Уже уходя, она повернулась, неожиданно остро посмотрела на меня и сказала:

– Мне жаль, что ты встретился не с тем человеком, которого хотел увидеть. Но разве я могу что-то изменить?

Я лишь покачал головой, и она ушла. Могла ли она что-то изменить? Возможно. Я уставился в окно, которое как раз показывало моё отражение. Краем сознания я зацепил какую-то назойливую мысль. А может, и она сломалась? Может, это не она такая плохая, а что-то стряслось когда-то давно, что-то такое, что навсегда перевернуло её мир? Мы всегда хотим верить в лучшее, всегда снимаем с людей груз ответственности. Но что, если я прав? Тогда, возможно, есть смысл попытаться как-то помочь. Нужно просто показать ей, какой она должна быть, и ей точно станет обидно, она будет пытаться соответствовать и вернётся. Такой, какой я её знал. Нет, это конечно полная чушь. Моя визитка упала в бездну, и на этом история длиною в мою жизнь закончилась. Вот так просто. Раз! И одна сюжетная линия загнулась. А перед этим кончилась и другая. И, кажется, никакого сюжета уже не осталось в помине. Меня вдруг заполнила пустота. Не было сил даже думать о чём-то.

Я вернулся домой и всё-таки поставил на огонь сковородку с сулугуни. Жареный сыр – это восхитительное блюдо, особенно когда в голове свищет ветер, а в груди шёпотом бьётся сердце. Пустота и расплавленный сыр, что может быть изящнее? Не хватает только вина, но я его никогда не любил.

В двенадцать раздался звонок. Я был готов к любой неожиданности, но не к этой.

– Я могу сейчас приехать?

– Да, конечно.

– Тогда возьму такси. Скажи адрес.

Я сказал адрес, и ровно через сорок минут она вошла в мою дверь.

– Не знаю, зачем я здесь. Просто что-то осталось недосказанным. Я это чувствую, но не могу понять, что, – заявила она прямо с порога.

– Ну, если уж ты не знаешь, то я – тем более.

– Наверное. Сделаешь чаю?

– Конечно.

Мы прошли на кухню, я залил чайник и нажал на кнопку. Та моментально загорелась, радостно сообщая, что какие-то таинственные процессы в алюминиевом корпусе начались. Между тем, моя полуночная гостья достала из кармана пачку тонких сигарет и закурила. Я поставил перед ней пепельницу и сел на свободный стул. Не слишком понимая, что говорить,

я молча отметил, что она переоделась, смыла чересчур яркий макияж и сняла все украшения. Словно ехала в аэропорт, а не к знакомому домой.

– Расскажи, как ты жил эти годы? – попросила она, бросив мимолётный взгляд на томик Бродского, оставленный мною на обеденном столе. Чувствовалось, что Бродский её не интересовал, она просто соблюдала этикет гостя – надо обязательно осмотреться, и сделать это так, чтобы хозяин заметил.

– Да по-разному. Окончил школу, поступил в институт. Потом пошёл работать бухгалтером. Сначала совмещал, потом полностью перешёл на пятидневку. Встретил девушку, у неё был жених. Мы славно проводили время, но несколько дней назад она погибла. Вот, собственно, и всё.

– Да, грустно. Но у тебя хотя бы происходят какие-то события.

– А ты как жила?

Она промолчала, следя за тем, как я заваривал зелёный чай. В чашках буйствовали маленькие водоворотики, а чаинки казались обломками утонувших кораблей, невольных заложников дурного настроения морской стихии. Когда чай был готов, я сел рядом с ней.

– Пей.

– Спасибо. – Она приняла чашку и осторожно, чтобы не обжечься, коснулась губами кромки. Я пристально следил за её движениями. Не покажется ли где-то знакомый жест или знакомый взгляд? Нет. Это был совершенно другой человек. Человек новый, однажды начавший жизнь с чистого листа, спаливший в приступе ярости или обиды все мосты, и навсегда оставшийся на другом берегу. Она изучала меня в ответ, но на её лице не читалась ни одна из известных мне эмоций. Что же с тобой случилось? Здесь явно имела место какая-то тайна.

– Послушай, – сказала она, – я не знаю, зачем я приехала, но раз уж я здесь, давай поговорим начистоту. То, что ты меня нашёл – это неспроста. Не знаю, почему ты хотел встречи на самом деле, но когда я уходила из кафе, у меня возникло ощущение, что я упустила какой-то важный момент. То есть, что-то должно было случиться, но я ушла, и оно не случилось. Откуда у меня такое чувство – не знаю, но оно так долго меня не покидало, что я всё-таки тебе позвонила и приехала снова. Ты не знаешь, что это может быть?

– Совершенно не представляю. Скажем так, я недавно вернулся с дачи, бродил там, вспоминал. А когда приехал в Москву, резко захотел тебя увидеть.

– Понимаю, детская влюблённость, всё такое. Но это было так давно, что, собственно, это не слишком хороший предлог.

– Влюблённость? Возможно. Но мне кажется, здесь что-то другое. У меня создалось впечатление, что я тебе зачем-то нужен.

– Нужен? Мне? Да я тебя еле вспомнила!

– Откровенность за откровенность. У тебя вот появилось какое-то необычное ощущение? И у меня тоже появилось. И его я тоже объяснить не могу.

– Ты что-то недоговариваешь.

– Нет, просто есть что-то, чего я не могу объяснить словами.

– Ты меня совсем запутал. Ладно, давай попробуем сначала. Представим, что той встречи в кафе не было. Я рада тебя снова видеть. Я не слишком довольна тем, что ты так настойчиво добивался встречи, но мне нравится, что после работы есть куда пойти. А ты? О чём ты думаешь? Вот мы встретились через столько лет.

– Ты сильно изменилась.

– Это понятно, мы все взрослеем.

– Нет, тут немного другое. Ты не повзрослела, ты словно стала другим человеком. Ты не та, какой я тебя знал.

– Интересно. И что же изменилось?

– Да всё. Скажи, ты помнишь нашу последнюю встречу?

– Смутно. Помню, ты что-то играл. Я во всякой рок-музыке ничего не смыслю, так что даже не помню, что это было.

– А туман? Ты помнишь туман?

– Туман… – Она задумалась. – Туман не помню. Нет, что-то смутно припоминаю такое. Белое облако. Но вот пытаюсь вспомнить больше, и почему-то ничего не выходит.

– Занятно. – Я разочарованно покачал головой. – Я-то помню его очень хорошо.

– Это важно для тебя? – спросила она.

– Да. И мне казалось, для тебя тоже.

– Видимо, нет. Или меня совсем подводит память. Так что не так с этим туманом?

– Как тебе сказать. Мне всегда казалось, что в тумане мы с тобой ближе, чем обычно.

– Это что-то, связанное с сексом?

– Вовсе нет. Как раз секс тут совершенно не причём.

– Занятно. – Она неосознанно копировала мой стиль общения.

Я ещё раз поставил чайник и нажал на кнопочку. А потом я почувствовал её руки на своих плечах.

– Не знаю, зачем я это делаю, но, надеюсь, ты не против?

– Пожалуй, нет, – ответил я.

Это было странно и необычно. Кажется, она впервые дотронулась до меня. По крайней мере, так, что я это сразу же и на всю жизнь запомнил. У неё были холодные руки. От неё сильно пахло какими-то сладкими духами. У неё был низкий голос. У неё…

Она прижалась лицом к моей спине и на секунду словно застыла. Я тоже не двигался, боялся её спугнуть или как-то помешать этим маленьким ритуалам. Но ритуалов, по сути, не было. Она просто стояла, и лишь её лёгкие продолжали тяжело вбирать в себя воздух.

– Ты знаешь, что ты странный?

– Да, пожалуй, немного.

– Даже не потому, что живёшь как сыч, читаешь всё это старьё и работаешь на ненужной тебе работе, а потому, что только ты мог принять туман за другой мир.

– Откуда ты знаешь?

– Да у тебя всё на лице написано. То, что ты не мог объяснить, это нечто, неподдающееся объяснению вообще, я права? Что-то вроде встреч, которых не было, предсказаний, которые сбываются, видений, которые иногда кажутся слишком реальными? Я права, да?

– Ну, в общем, да.

– Тогда я тебе кое-что расскажу. – Она отодвинулась от меня, мне показалось, что с некоторым трудом, и села на стул.

Я налил по второй чашке чая и уселся рядом.

– Это началось лет десять назад. Я вдруг заметила, что часто забываю какие-то события. То есть, не просто долго не могу вспомнить, а забываю навсегда. Поначалу я очень переживала. Потом как-то успокоилась. Писала сама себе записки и подкладывала в карман. Ты бы знал, сколько раз я просыпалась, и не понимала, где я! Причём, я почти не пью, наркотики никогда не употребляла. Врачи удивлялись и не верили. Советовали каких-то специалистов, я поначалу ходила, но потом и им доверять перестала. Просто мне ничего не помогало, и я смирилась. Такое у меня отклонение, думала я, ну и ладно, вон люди без ног живут.

– Пока история довольно печальная, – прокомментировал я.

– Ой, слушай, лучше не перебивай. Может, я тебе первому рассказываю!

– А врачам?

– Подловил. Ладно, в общем дальше. Дальше стало хуже. Я начала находить у себя письма. Дома – в ящиках стола, в платяном шкафу, даже в полках на кухне. Почерк мой. Но я этого НЕ ПИСАЛА. Понимаешь, я совершенно не помню такого. И не знаю адресата.

– У тебя есть эти письма с собой?

– Да, есть одно.

– Можно?

– Пожалуйста. Но пообещай мне одну вещь.

Я вопросительно посмотрел на неё.

– Пообещай, что оставишь его себе. Так, как будто его адресат – ты. Хорошо?

– Ладно.

И она дала мне письмо. Я быстро пробежался по нему глазами и, честно говоря, немного удивился.

Её первое письмо

А знаешь, вчера выпал первый снег. Он был таким белым, что я ненадолго ослепла. Но это ничего. Понимаешь, он – белый, как ТУМАН, но не такой тёплый. Когда-нибудь я стану снегом и выбелю твои следы. За поворотом было страшновато, но первый снег – он делает людей добрее. Я скучаю. Время идёт медленно. Люди умирают, а оно идёт, тяжело и как-то сердито. Жаль, что ты не отвечаешь на мои письма – твои руки, вырисовывающие буквы, кажется, могут совершить чудо, спасти принцессу, победить дракона. Прости, немного путаются мысли. Я так хочу спать. Для меня расстелили постель в самой высокой комнате. В ней много всего, кроме тебя. Скажи, когда кто-то умирает, ему грустно? Мне вот грустно, когда кто-то умирает. Может, ты поможешь мне?

Я перечитал письмо ещё раз. Каждое предложение по отдельности носило вполне конкретный смысл, но друг с другом они почти не сочетались. Как будто из письма хитроумно вырезали часть слов.

– Интересно.

– Действительно. Кому я это писала? Зачем я это писала? Я ничего не могу поделать с этим, не помню ни черта. Но обрати внимание, там есть слова про туман.

– Да. Но контекст совершенно не тот.

– В смысле?

– Мне кажется, тут туман – просто аллегория. Речь идёт не о каком-то тумане, а просто о разных состояниях воды.

– Может быть. В любом случае, сохрани письмо. Остальные я сожгла в раковине, а это оставила.

– Почему именно его?

– Оно очень характерное. Это такой идеальный вариант всех остальных писем. Начинается ни с чего. Обращение к кому-то. Немного лирики. Немного смерти. И просьба о помощи. Где-то больше, где-то меньше, но, в общем и целом, они все были такими.

Я покачал головой. С каждым следующим событием я всё меньше понимаю, что происходит. Одно я знал точно: так просто это не закончится. Когда ты круг за кругом движешься по кромке водоворота, тебя рано или поздно осеняет. Нет возможности сбежать. Надо набрать в грудь воздуха и прыгать в самое око. Пока тебя не побило о скалы.

Ветер ворвался в комнату

Мы лежали в кровати и смотрели в потолок. Не слишком интересное зрелище, но больше делать было нечего. На работу я тотально опаздывал, но начальник почему-то не звонил, и я решил плюнуть на это. Она тоже не испытывала интереса ко времени.

– Пожалуй, я правильно сделала, что приехала.

– Наверное.

– Просто иногда перестаёшь верить в то, что существуешь.

– Как это?

– А вот так. Тебя вдруг как будто куда-то тянет, ты теряешь ощущение реальности. Что-то сильное и невидимое вдруг тебя поднимает, ты дёргаешься, пытаешься отбиваться, но куда там. Поначалу это было как наваждение, но в последнее время я чувствую подобное чуть ли не каждый день.

– И даже сейчас?

– Нет, сейчас не чувствую. Сейчас как-то спокойно. Так, словно всё в порядке.

– Это хорошо.

– Да, наверное. Кажется, что я вернулась из долгого путешествия в родные края.

Я промолчал. Было тепло и немного грустно. Мне, конечно, было хорошо с нею, но всё-таки, это было не то, что нужно. Она это явно понимала, но не пыталась как-то помочь. Она действовала по наитию, и, кажется, понятия не имела, зачем.

Потом она встала. Смуглая, спина прямая, походка гордая до безразличности, обнажённости не стеснялась вообще. Уверенная пошла в ванную, оставив меня один на один с требующей заботы постелью. Я сложил её вещи на стул, начал застилать, и вдруг из одеяла выпала записка. Прочитав, я положил её в томик Бродского, который ещё вчера вечером перекочевал на письменный стол. Отдавать письмо ей я не собирался. В конце концов, адресатом была вовсе не она. Безо всяких сомнений, это была одна из тех записок, которые она писала неосознанно, но на этот раз текст казался вполне осмысленным, а главное, до боли знакомым.

– Мне пора, – сказала она вернувшись.

– Да, наверное.

– Я позвоню?

– Безусловно. Буду ждать.

И она ушла. Точнее, пропала, так как вестей от неё не было очень долго. А я каждый день перечитывал записку, находя в ней новые смыслы и в тот же миг разочаровываясь в них.

Её второе письмо

Странно и страшно. Меня как будто поедает ночь. Я почти не вижу дня. Где ты, когда ты так нужен? Найди меня! Помоги мне! Ты же умеешь то, что не умеют другие. Мне так страшно. Она забрала у меня всё. Если она заберёт и тебя, я, наверное, умру. Ты – последний свидетель моего существования. Ты – моя последняя надежда.

Вот такая коротенькая записка.

Между тем, осень вступила в свои права. Подули холодные ветра. Первого сентября зарядил дождь, а к концу второй недели осени он уже всем окончательно осточертел. Люди плыли по улицам с горестными лицами, как будто каждую секунду переживали утрату такого близкого солнечного лета. Напала хандра и апатия, рабочие будни слились в бесконечную ленту Мебиуса, тотальное безделье жрало меня, как огромная хищная рыба.

Пару раз я зашёл в наше с Леной кафе и выпил столько шоколаду, что, кажется, можно было лопнуть. Но именно шоколад ещё как-то роднил меня с этим миром.

Вообще, бывает несколько сортов шоколада: один приносят в маленьких чашечках, а в нагрузку подают бокал холодной воды. Отхлебнул вязкого зелья, запил водичкой и порядок. Есть и уже разбавленный шоколад, и шоколад с молоком, и шоколад с корицей. Мы перепробовали все. Вариант на воде мне нравился больше всего, просто в моём довольно-таки бедном детстве какао делалось всегда без молока. Молоко шло на утреннюю кашу. Элемент ностальгии обязательно присутствует во всех моих действиях.

Осень – моё любимое время года. Я даже в школьных сочинениях это писал, но тогда не мог объяснить, почему. Теперь, пожалуй, могу. Осень – наркотик. С ней ты доходишь до самого края, проверяешь себя на прочность. Сколько тоски ещё влезет в твоё слабое нутро? Приятно пить её литрами, наполняться ею до краев, приятно ощущать себя одиноким просто потому, что иначе и быть не может.

Так устроен мир.

Так крутится проткнутая осью Земля в бесконечном космическом безразличии. В эту пору люди, которые собираются крупными шумными компаниями, вызывают отторжение. Их время лето, и оно прошло, осень – время одиночек. Она как поздний вечер. Поэт наблюдает за тем, как вся семья укладывается спать. Ему не терпится остаться наедине с его музой, но он не смеет торопить окружающих, пусть сами лягут, устроятся поудобнее в тёплых кроватях, сладко зевнут и, наконец, спокойно уснут, совершенно забыв о своём блаженном родственнике. Осенью засыпают насекомые, засыпают деревья, засыпает городской пляж, наконец, засыпает солнце, и всё это – лишь томительное приятное ожидание поэта. Ожидание прекрасное, как сама жизнь. Оно выливается на бумагу стихами, прозой, эскизом, оно превращает склизкую глину в идеальную скульптуру.

Я никогда ни на минуту не сомневался в том, что моя страсть к этой тревожной жёлтой даме сродни творческому порыву, откровению, которое поэт перехватывает налету, но, к сожалению, я никогда не умел писать стихи. Были, конечно, удачные вещи, но их было так мало, а уж читателей у них было ещё меньше.

Две недели прошли никчёмно. Я работал, но работа, и раньше не приносившая мне особого удовлетворения, сейчас просто бесила. Это была ловушка, которую я сам поставил на какое-то огромное животное. И вместо него поймал себя.

Когда-то в такую же осень я взял в руки гитару. Ту самую, на которой потом играл ей, сидя на легендарной скамейке, в центре всего мироздания в ожидании акта творения. Она, конечно, этого не запомнила, да и не могла – я знал несколько аккордов, не мог зажать все струны, а уж слуха у меня, честно говоря, до сих пор нет ни грамма. Зато тогда я кривовато мог сыграть знаменитый романс Гомеса, первую часть. Вторая мне никогда не нравилась. Я просто не могу её запомнить. Кажется, что после идеальной первой, вторая – какая-то бедная, почти нищая. Первая же соответствовала грандиозности момента, она идеально вписывалась в картину туманного бытия.

Сейчас, в середине сентября, я снова стал проводить вечера в компании своей старой деревянной подруги с истёртыми струнами. Выпивал какао, ложился на диван и бесцельно перебирал шесть натянутых на пыльный каркас нервов. Получался красивый пустой гомон. Лишённый своего сюжета звук превращался в дыхание ветра, такое же немузыкальное, но завораживающее.

Потом я начал вспоминать романс. Ностальгия, кажется, заглотила меня целиком, я уже не мог сопротивляться её стальным челюстям. Память пальцев услужливо подсказывала позиции и движения, так что к концу месяца я уже идеально играл первую часть романса.

А она всё не звонила. Я начал от скуки звонить ей сам, и каждый раз натыкался на холодный голос робота, сообщающий мне, что абонент находится вне зоны действия сети или просто не хочет ни с кем разговаривать. Время голодной мышью повесилось в пустом холодильнике. Автоответчик предлагал оставить звуковое сообщение, но я даже не дожидался сигнала.

С антресолей я достал коробку со своими детскими тетрадями и дневниками и к своему огромному удивлению нашёл тот, что вёл в шесть лет. Я-то думал, его давно не существует. Когда я научился писать, мне было абсолютно некуда деть это своё новое умение, и я стал просто записывать какие-то мелочи. «Сегодня играли в бадминтон» – вот первая запись летнего дневника. Потом было ещё с десяток таких же, никому не нужных строк. Зачем это хранить? Как и все дети, я катался на велосипеде, гонял мяч, с удовольствием поедал мороженное, которое привозили на небольшом легковом автомобиле местные бизнесмены. Иногда были праздничные выходные – мы собирались семьёй на берегу, жарили сосиски, играли в дурака. Скучно. Всё это я и так хоть как-то помню. Тогда дневник был пустым, в нём были буквы, но не было меня. Скука началась на первой же странице самой первой невзрачной тетради, и закончилась только в переходном возрасте. Хотя закончилась ли?

Однажды вечером я позвонил ей снова, и снова нарвался на автоответчик. Тогда я взял гитару и после звукового сигнала прямо в трубку сыграл романс.

Мне почему-то казалось, что я сделал нечто важное. Поделился настроением. Первая сыгранная мною мелодия стала и последней, круг замкнулся, огромная глупая змея укусила себя за хвост и пока не понимает, что жуёт собственную плоть в надежде утолить бесконечный голод.

Той же ночью я проснулся оттого, что в комнату ворвался сквозняк. Сначала я съёжился под одеялом, но холод забрался и туда. И только тогда я открыл глаза. Было тихо. Окно отворилось, осенний ветер яростно вторгся в дом, принялся заполнять его собой, как заполняет кипяток пустую кружку с чайным пакетиком. Он разлился по полу, поднялся к потолку, вытеснил своего домашнего сородича и стал полноправно властвовать в чужом мире. Сквозняк вёл себя как Александр Македонский, только нельзя было увидеть его войско, оценить мощь и изящество знамён.

Перед окном в лучах фонарного света стояла она. На ней были узкие брюки и лёгкая летняя кофточка. Почему-то она стояла голыми ногами на холодном полу, но её это, кажется, ни капли не смущало.

Я приподнялся на локте.

– Привет, – сказал я.

Она молчала. Наверное, она и не могла говорить. Только смотрела и смотрела, неотрывно, как на приближающийся поезд. И вдруг в этот застывший мир вторгся телефонный звонок. Я вздрогнул, и на секунду перевёл взгляд на аппарат, стоящий на столе. А через мгновение у окна уже никого не было. Я встал, подошёл к нему, и резким движением захлопнул.

– Красивая мелодия, – сказал мне её голос по телефону.

– Да. Я её уже играл тебе однажды.

– Наверное. Я не помню. Я тебя разбудила, да?

– Нет, – соврал я.

Она, конечно, разбудила меня, но не знала, что сделала это ещё до того, как подняла трубку и начала набирать номер.

– Ты не спал в такое время?

– Ну, всякое в жизни бывает. Послушай, ты не хотела бы съездить со мной в одно место?

– На дачу?

– На дачу.

– Ну давай съездим. Меня всё равно уволили.

– За что?

– Ты знаешь, этого так просто не объяснить. Я не была на работе несколько недель.

– Почему?

– Я же говорю, этого так просто не объяснить. Дело в том, что я вообще не знаю, где была всё это время.

Великая Чёрная Дыра

Сегодня на ней были кроссовки, свободные брюки и тёплый свитер. Такой я её ещё не видел. Она походила на туристку, даже косметики я особо не заметил, хотя, наверное, какие-то обязательные приготовления всё-таки были проведены. В руках она держала сумку, небольшую, но достаточно тяжёлую. Уж не знаю, что там было. Вообще, вид у нее был странный – не осталось той показной сухости и стервозности. Передо мной стояла милая девушка с длинными чёрными волосами, немного завивающимися, своенравными, отказывающимися превращаться в причёску.

Я закинул сумку в багажник, а когда сел в машину, она уже курила в салоне, ковыряя пальцем бардачок. Складывалось ощущение, что она всеми силами пыталась заставить себя быть такой, как в детстве. Если не получалось стать весёлой и беззаботной, то хотя бы вернуться к изначальной величественной простоте она ещё надеялась. К сожалению, этот мир так устроен, что когда мы что-то теряем, нечто другое очень быстро занимает освободившееся пространство, и старое вернуть уже не получается.

Когда я вырулил на кольцо, нас неожиданно догнал телефонный звонок.

– Да?

– Здравствуйте. Это вы звонили Борьке несколько недель назад?

– Да, я.

Моя спутница безучастно смотрела в окно. Она выглядела странно сосредоточенной, как будто мы ехали не на дачу, а в эпицентр катастрофы. Мне даже показалось, что она что-то шепчет. Но я не мог разобрать, было ли то, что она мурлыкала себе под нос, словами, или просто обрывком какой-то внезапно пришедшей на ум мелодии.

За окном серел противный городской пейзаж. Окраины – самое неприятное, и в то же время родное, что есть у Москвы. Они лишены помпезности, праздничности, здесь нет толкучки, создаваемой туристами возле какого-нибудь памятника. Вокруг – реальная жизнь, со всеми её недостатками и очень редкими достоинствами. Я здесь взрослел, эти спальные районы превратили меня в того, кем я являюсь. Не уверен, что смогу когда-нибудь искренне их поблагодарить за это.

Тем временем ледяной голос жены моего старого товарища продолжил:

– Может, вам будет интересно, Борька вскрылся.

– Что, насмерть? – Я испытал нечто вроде шока.

– Да нет, конечно. Как был ничтожеством, так им и остался, даже уйти нормально не смог. В больничке отдыхает.

И она назвала адрес больницы.

– А с ним кто-нибудь сидит сейчас?

– Да кому он нужен? У него и друзей-то нет. Были раньше, но все куда-то делись. Он, естественно, винит в этом меня. Я, как видите, сразу вам это говорю, чтобы вы не думали, что что-то ещё кроме моей сучьей особы могло испортить ему жизнь.

– Да ладно вам.

– Ну а что? Я в его жизни – главное зло. Он и подумать не может, что сам во всём виноват. Комплекс жертвы.

Я быстро попрощался, чтобы не продолжать разговор, скинул и посмотрел на мою молчаливую пассажирку.

– Ничего, если мы сначала заедем в одну больницу? Надо кое-кого навестить.

– Мне всё равно. Хочешь, поехали. – Она улыбнулась, смотря сквозь меня в неведомые мне дали.

Мы поехали. Машину я бросил во дворе неподалёку от станции метро, где умудрился ещё и купить мандаринов, и уже пешком мы добрались до больницы. Серый корпус заведения как всегда вызывал совсем не радостные мысли. Не удивительно, что у нас так любят лечиться дома – тут можно от одной тоски скончаться, даже если пришёл с аппендицитом. Меньше всего повезло тем, чьи окна смотрели ровно на трубу крематория. Как выяснилось позже, Боря был одним из этих счастливчиков, что с его нежеланием жить едва ли хорошо сочеталось.

Лежал он в малюсенькой отдельной палате. Обшарпанные стены, пустой стол, Боря в протёртом белье и под таким же протёртым одеялом, а за окном красная как аорта труба, из которой, наверное, должен периодически вылезать едкий печальный дым. Казалось, что все дырки и заплаты мира сконцентрировались именно в этом помещении, и все они выстроились как на парад в ожидании своего короля – Великой Чёрной Дыры. Судя по выражению Бориного лица, пришествие этого мрачного властелина ожидалось в самое ближайшее время.

Он посмотрел на меня так, словно не узнал. Потом повернул голову к моей спутнице, с едва намечающимся интересом окинул её взглядом, но этот интерес почти сразу угас. Он кивнул в сторону двух маленьких табуреток для гостей. Мы сели.

– Тебе эта сука позвонила? – вяло поинтересовался он.

– Ну да.

– Понятно. Мне никогда никто не звонит, так что она, видимо, сильно удивилась тому твоему звонку. А номер у меня в кармане нашла. Ты мне тогда диктовал.

– Я помню, Борь.

– А её ты, значит, всё-таки нашёл? – поинтересовался мой друг-самоубийца.

– Как видишь.

Она посмотрела на несчастного Борю и одними губами улыбнулась, не слишком естественно, но показывая, что хочет выглядеть приветливой. Так обычно улыбаются те, у кого куча проблем, но они из последних сил держатся, чтобы не начать посылать всех вокруг по давно известному адресу.

– Ну и славно, – отозвался Боря. – А она ничего так.

В этом замечании не было ни единой ноты обычной его заинтересованности в женщинах.

– Будешь ещё так делать? – поинтересовался я.

– Конечно, нет. Выживших во время расстрела, говорят, даже при Сталине не убивали. Нет. Знаешь, это ведь такой позор, я даже себя убить не смог.

– Да для этого, как раз, много ума не надо, – прокомментировала моя подруга и зевнула. Мне показалось, что специально.

– Зато сила воли нужна. А у меня её нет.

– Не сила воли нужна, а глупость, – сказал я ему. – Очнись, всё это бред. Ты убедил себя в том, что всё херово, пора кончать с собой, пошёл и попытался. Тебе не кажется, что мир немножко сложнее?

Боря не ответил, но было видно, что он о чём-то задумался.

– На вот тебе мандаринов, – сказал я и положил пакетик на стол. Их мы купили у ближайшего метро, но пусть ему кажется, что о нём заботятся. Так будет лучше.

– Спасибо. Я тебе, правда, ещё за обед должен.

– Да перестань. Давай, в общем, не страдай фигнёй, и выздоравливай. Пойдём с тобой в футбол играть, как раньше.

– Хорошо.

Боря впервые позволил себе улыбнуться. Моя спутница кивнула ему и вышла, я же подошёл пожать Боре руку, и он протянул свою в ответ. Какое-то время мы смотрели друг на друга, и тогда он вымолвил:

– Ты знаешь, мне кажется, что это вовсе не она. Глазами вижу, что похожа, но это не она. Будь осторожен.

Я кивнул и вышел из палаты.

Потом была скучная дорога без подробностей. Полтора часа напряжённого молчания и случайных неуместных слов. Тихая музыка из колонок. При всём желании нельзя было разобрать, кто и о чём пел. Бесконечное шоссе, облысевший лес, тоскливый и простуженный рёв мотора, всё это слилось в какую-то песнь обречённости.

Мы остановились напротив её дома. Я бросил машину на обочине, и мы выбрались из салона, разминая затёкшие ноги.

Этот дом с голубыми ставнями, он до сих пор не кажется мне чужим. Мы стоим у забора и смотрим на него молча, я даже не пытаюсь ничего говорить. Время разговоров кончилось. Дом говорит за нас.

Почему вас так долго не было? Я скучал.

Знаю. Как твой старый яблоневый сад? Этот белый налив, кислый, как внутренности аскорбинки, душистый, как целое поле после покоса. Эти буреломы сорняков и вьющиеся стебли дикого винограда. Эти огромные окна в фанерных стенах. Мой старый добрый друг, я бывал в твоих маленьких комнатах всего несколько раз, пил чай с мёдом, но твоя внешность мне знакома до мельчайших подробностей. Кажется, я помню каждую облупившуюся доску. Какие новости?

Да какие тут новости? Скучно. Скучно здесь стоять. Вокруг вырастают новые дома, сараи, дымоход давно забился, и теперь я чихаю пылью. Старая волга вросла колёсами в землю, так что даже самый худощавый ребёнок не сможет спрятаться под ней во время игры. Велосипеды сгнили в сарае. Их цепи заржавели, и теперь уже никто никуда не поедет. Да и сам я, кажется, подгниваю. Не осталось ежей, только крысы в подполе. Мне начало казаться, что я нетвёрдо стою на земле.

Ничего, я тоже стою на ногах недостаточно твёрдо. Я ни в чём не уверен. Вот, рядом со мной стоит твоя хозяйка. Или это не она? Может, ты мне расскажешь? Я что-то совсем запутался.

Увы, не я должен отвечать на этот вопрос.

А кто?

Ты сам. Никто лучше тебя не сможет ответить, она это, или нет. Согласись, из двух кандидатур – тебя и дома, общающегося с тобой мысленно, логичнее было бы прислушаться к твоему мнению. Это как-то по-людски, что ли.

Ах, дом, я уже ни в чём не уверен. А было ли то, что я так хорошо помню? Были ли эти чаепития под твоими сводами? Были ли яблоки в твоём саду? Было ли счастье, или оно придумалось само позднее? Как же сложно жить, не ощущая земли под ногами.

Мы стояли и смотрели, как дом молча переживал нашу новую встречу. Она тихонько дрожала и как-то неумело прислонилась ко мне. Может, ей было холодно, а может, она тоже почувствовала что-то такое, что не описать никакими словами.

– Я хочу зайти внутрь, – сказала она, и в голосе мне послышалась обречённость. Как будто она приехала сюда испытать себя на прочность, и вдруг поняла, что проверку не прошла.

– Я пока побуду здесь.

– Конечно. Мне кажется, что меня там ждут.

Эта загадочная фраза стала последней. Она вошла внутрь и не вышла. Я прождал её минут тридцать. Потом плюнул на тактичность и пробрался на территорию через трудно поддающиеся ворота. Было тихо. Ну, то есть, вообще ни звука. Даже собирающиеся к отлёту птицы здесь не пели. Воздух был вязким, как кисель, и таким же сладким. Видимо, птицы не любят сладкое.

Я побродил по территории, моей спутницы нигде не было видно. Тогда подошёл к двери и дёрнул, но она не поддалась. Я посмотрел в замочную скважину и убедился, что ключа внутри нет. Более того, по углам дверного проёма скопилась паутина, что могло обозначать только одно: дверь в дом не открывали уже довольно давно. Вполне материальная девушка из плоти и крови растворилась в воздухе. Я побродил ещё немного и, так и не найдя никаких следов, ушёл. Кажется, больше тут делать нечего.

В Москву я вернулся в странной лихорадке. Меня словно трясло, хотя градусник показывал вполне здоровую температуру. Я заварил чай и со вздохом плюхнулся в кресло. Впервые я ощутил, что остался совершенно один, и даже не понял, как и почему. Конечно, то, что она пропала так неожиданно, не поддавалось никакому логическому объяснению, но я давно чувствовал, что однажды она исчезнет, как исчезает всё неясное и нелогичное, что случается в нашей жизни, но всегда впоследствии кажется нашим собственным вымыслом. Это какой-то защитный механизм – когда ты не можешь объяснить происходящего, в мозгу что-то щелкает, и он неожиданно понимает, что ему всё привиделось. Он вообще не причём, ничего не видел, не знает, не помнит.

А потом водоворот выплюнул меня на поверхность, чтобы сумасшедшая карусель понеслась по новому кругу безумия.

Дожди над рекой

Часто, когда я опаздывал на встречу с Леной, я садился в один и тот же троллейбус. Не знаю, почему, но он всегда играл в моей жизни роль тотемного животного: его ненадёжные тонкие усы, которыми он шевелил, как огромный таракан, непрерывно ощупывали питательные электрические провода, и я засыпал под приятный мерный скрежет каких-то скрытых от глаз механизмов. Засыпал ненадолго, всего на пять минут, но это были священные пять минут совершенного спокойствия и безмятежности. Я так его и прозвал – счастливый троллейбус. Он выныривал из темноты, никто не обращал на него особого внимания, и только я знал, что перед нами распахнул свои двери вечерний спаситель. Никакая, пусть даже собственная, машина не смогла бы заменить его пропахший потом и дешёвыми томными духами салон. Исписанные сиденья казались доисторическими реликтами, холстами, на которых древние художники оставляли свои неолитические рисунки, и в их непритязательных матерных произведениях мне мерещились особые смысл и логика.

Троллейбус проходил маршрут в несколько кварталов долго, он объезжал небольшие препятствия, словно синий парусник, обходящий рифы, боящийся натолкнуться на притаившийся морской клык и навеки остаться на этой дикой мели. Счастливый троллейбус. Разве он был нужен мне лишь для того, чтобы добраться до Лены? Вовсе нет. Он был мне необходим потому, что любой, кто испытал на себе ненасытный голод этого города, нуждается в собственном вечернем спасителе. Человек может не прийти на зов, лучший друг может подвести, но троллейбус, он ходит по расписанию, и не в его правилах опаздывать больше, чем на пятнадцать минут. А четверть часа можно и подождать.

В каком-то смысле, синий допотопный монстр стал моим другом. С ним можно было делиться всем, не боясь, что он кому-то что-то разболтает. Конечно, этого не стоило делать слишком громко, ведь измотанные москвичи могли счесть меня за сумасшедшего, хотя сами вовсе не отличаются крепкой психикой. Можно ли быть нормальным в изначально неправильном мире? В бушующем океане ненависти, усталости, серости, троллейбус находил правильный маршрут, не задумываясь о том, что одна его ошибка могла подманить акул, как капелька крови в воде, и нас бы сожрало изнутри наше буйное и ненормальное естество. Иногда я ощущал некое подобие родства со всеми этими людьми, но даже в самом жарком бреду не мог вообразить, что они так же понимают значение встречи с синим монстром. Это было моё интимное маленькое знание, знание служителя культа, фанатика и всё-таки мечтателя, ревностно оберегающего его от посторонних.

Почему я снова оказался в троллейбусе? Ехать некуда, ведь Лены больше нет. Но это совершенно не важно, ведь я уже внутри, еду навстречу неизвестности. Смотрю наружу, как рыба из аквариума, и внешний мир кажется совершенно нереальным. Я точно знаю, что будет дальше. Скоро справа от меня покажутся две почти одинаковые церкви, потом – раскрашенная умельцами бойлерная, а следом – наше с Леной кафе. А за ним? Мне раньше казалось, что там уже ничего нет. Мир кончался здесь. Но сейчас, когда моей любовницы нет в живых, а моя самая первая любовь бесследно растворилась в воздухе, когда я остался один на всём белом свете, можно было позволить себе побыть чуточку первооткрывателем. Поехать и посмотреть на то, какой он, дальнейший маршрут. Вот кафе пронеслось мимо: так решил мой господин, даже не пытаясь пристроиться в уютный карман возле него. На этой остановке никто не вышел. Вроде бы, её даже забыли объявить. Троллейбус знал, что меня здесь уже никто не ждёт, а значит, нет смысла останавливаться, задерживать спешащих по домам граждан. Я уже не выйду здесь, я уже не выйду здесь никогда.

Что ж, едем вперед. Ведь дальше тоже есть остановки, можно сойти на любой и начать искать своё будущее, раз уж прошлое забыто и закрыто. Но я не выходил. Чем дальше трол-

лейбус забурялся в незнакомые районы, тем больший интерес просыпался во мне. Неужели его маршрут не имеет конца? Неужели он едет в вечность прямо от моего подъезда?

– Что ты будешь делать теперь? – спросила она.

– Наверное, ничего. Посмотрю, что будет дальше.

– Ты уже смотришь будущему в глаза. Тебе они нравятся?

– Да. Нравятся. Ведь это твои глаза.

– Ты не ошибаешься? – деловито спросила она.

– Возможно, не всё ли равно?

– Конечно, может это и неважно, но уверен ли ты, что не пожалеешь о своём выборе?

– Я и так слишком о многом жалею.

– Мне грустно здесь, – сказала она. – Поехали к тебе?

Мы сошли на ближайшей остановке и перебежали дорогу в неположенном месте. Перед нами темнел маленький окраинный парк, ночью становящийся прибежищем хаоса, пустоты и дикости. В него не хочется заходить, он вызывает отторжение, и кажется, что возникающее неприятное чувство – его защитная реакция на незваных гостей. Мы стоим на остановке под одиноким фонарём и смотрим на оскаленную пасть ржавых ворот. Ни одной машины. Ни души. Троллейбуса не видно, зато тяжёлой поступью приближается гроза. Я чувствую, как при каждом её шаге на меня как будто падает потолок, ноги становятся ватными, пугающе расфокусируется зрение. Потом – одинокий раскат грома, и на нас обрушивается дождь. Мы стоим под козырьком и смотрим, как вокруг бушует стихия. Асфальт становится тёмным, земля набухает и только под прозрачной крышей ничего не меняется.

Мы садимся на выбравшийся из тьмы троллейбус. Намокаем, пока пробегаем несколько метров от козырька до его двери. Майка на моей спутнице теряет свой яркий жизнерадостный цвет, и эту потерю сможет восполнить только время. По моим расчётам этот троллейбус последний, водителям уже пора загонять свои машины в парк, где те будут спокойно спать несколько часов. Им тоже нужен отдых. Мы неспешно проходим по пустому салону и усаживаемся в самом конце. Она прижимается ко мне и погружается в лёгкую дрёму, словно очень усталый человек. По дороге троллейбус подбирает ещё нескольких ночных прохожих, офисных работников, которым, почему-то, совсем не хотелось спать в этот вечер.

– Откуда ты взялась? – спрашиваю я её.

– Ты же хотел, чтобы я оказалась рядом, правда?

– Хотел.

– Вот я и пришла.

Действительно, зачем задавать глупые вопросы? Всё и так понятно.

– Где ты была?

– Не помню. Наверное, была где-то, где мне хотелось быть. С недавних пор я на это стала смотреть куда проще. Да, я не знаю, что она делает, ну и что? В конце концов, мы с ней ближе, чем сёстры. К примеру, она хочет к тебе, и я хочу к тебе. Ничего сложного, наши желания совпадают. Правда, часто я не понимаю, где заканчиваются мои желания и начинаются её.

– Вот что меня волнует. Не исчезнешь ли ты снова, так же неожиданно, как в прошлый раз?

– Давай не будем загадывать. Кстати, это не наша ли остановка?

Двери раскрылись с тяжёлым вздохом, и мы вылезли из чрева синего зверя под стену дождя. Мне показалось, что обратная дорога заняла во много раз меньше времени, чем моё путешествие в неизведанную даль. Мы горячо простились с последним троллейбусом и заспешили домой.

Вбежали в квартиру. Непривычный запах грозы наполнил её до краёв, все окна были нараспашку, хотя я уверен, что закрывал их перед уходом.

– Удивительно, – радостно пробормотала она, вдыхая полной грудью аромат далёких муссонов и пассатов. – прямо как в детстве.

Мне сразу вспомнились долгие счастливые грозовые дни. Я ставил стул на крыльцо и часами неотрывно глядел на дождь, выставив ногу на лесенку. Так я не только наблюдал за дождём, но и частично был участником этого величественного действа. Ливень обычно заряжал на целый день, и мы с ней изредка совершали набеги друг к другу, промокая до нитки. В остальное время сидели дома и смотрели дождь, что иной раз куда интересней, чем глядеть в телевизор. Дождь тоже бывает разным. Обычно он приходил со стороны леса. С вечера лютовало небо, баррикады туч делали приближающуюся ночь непроглядной, только девять отважных фонарей озаряли её мистическим далёким светом. Ближе к трём, когда и тумана уже не было, начинались вспышки. Зарница подсвечивала небо, рисуя варикозные узоры на его бескрайних просторах. Взрослые обычно были напуганы, говорили, что в такие ночи иногда загораются дома, но нам она доставляла массу удовольствия. Словно кричала откуда-то извне: ребята, вы не одни!

– Вспоминаешь? – без тени иронии поинтересовалась она.

– Вспоминаю.

Я пошёл на кухню, поставил чайник и достал печенье из своих обширных запасов. Потом мы лежали в кровати и уговаривали рассыпчатое курабье, безбожно кроша на постель. Я курил и смотрел, как белый дымок, клубясь у потолка, медленно становится частью комнатного воздуха, растворяется в нём, истончаясь и полностью скрываясь из виду. Ничто не исчезает бесследно, – так говорят физики. Я бы с ними поспорил.

– Ты знаешь, как умирает прошлое? – спросил я её и долго ждал ответа. Но ответ не был нужен. Она прекрасно знала, что я всё равно расскажу. – Прошлое умирает страшно и мучительно. Как и люди. Бывают такие смерти, которые и смертью-то не назовёшь. Человек выпил чашечку горячего какао, лёг под одеяло, взбил себе подушку, чтобы было мягче. Может, посмотрел какую-нибудь передачу напоследок. И заснул. А потом просто не проснулся, хотя до этого механизм сбоев не давал. Это счастливейшая смерть, просто сказочная. И очень редкая. Обычно всё куда хуже. Человек заболевает, мучительно корчится от боли, и все его близкие осознают его скорый конец. Он и сам обо всём догадывается, но ищет в их поведении опровержение своим страхам. Первое время получает его сполна. Потом начинает замечать сочувствие и ужас, потом сам начинает жалеть себя и до одури бояться. И вот он уже изводит близких расспросами, жалобами, слезами. Об этом не принято говорить, но через какое-то время все вокруг уже готовы желать ему скорейшей смерти. Просто потому, что постоянно выносить утку и натужно улыбаться в лицо умирающему невозможно, слишком тяжело. Представь, что прошлое – это такой же больной, только очень трусливый и эгоистичный. Требует к себе внимания, кричит громко и страшно, изводит тебя, бьётся в агонии, а ты ничего, ничего не можешь поделать. Ты желаешь ему смерти, но врёшь, что всё вернётся, что будущему без него никуда. Хотя какое дело будущему до того, что давно прошло?

Я замолчал только тогда, когда почувствовал её ледяные слёзы на своей руке. Мне вдруг показалось, что они оставляют на мне ожоги, как сухой лёд. Хотелось что-то добавить, чтобы смягчить мой монолог, но уже ничего нельзя было сделать. Я сказал то, что должен был, и ничто на свете не могло бы теперь обвинить меня в том, что я умалчиваю, играю чужую роль.

Всю ночь я перебирал в голове воспоминания, как фотографии, пытался решить, насколько они ценные, и каждый снимок казался мне самым важным в моей жизни. Ничто из того, что я помню, не может быть отторгнуто. Я забрёл в тупик, в маленький уголок вселенной, в котором всегда тепло и ласково. Летние дожди, душистые яблоки, хоровод мошкары над рекой, с трудом прорывающейся сквозь иловые затоны, стрекочущие поля, по которым расхаживают важные комбайны, жгучая высоченная крапива, стена леса до самого неба. Этот

мир творился в тумане, закалялся в горниле летнего сенокоса, рассыпался росяными бриллиантами и оставлял шрамы от осоки на моих руках.

Спи, воспалённая память. И дай поспать мне самому. Ведь надо ещё как-то жить, чем-то заниматься, с кем-то общаться. Надо хотя бы выйти в магазин и купить еды. Надо приходить на работу, чтобы заработать денег. Надо чем-то заполнить вечера и выходные. Если ты загонишь меня в конуру, я буду выть, как взбесившийся пёс на привязи, и мой собственный вой станет заупокойной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.